

Вступительная статья А.Гуревича.

Перевод В.Тихомирова, А.Корсуна, Ю.Корнеева.

Примечания О.Смирницкой, М.Стеблин-Каменского и А.Гуревича.

Беовульф

Вступительная статья

Единственная существующая рукопись «Беовульфа» датируется примерно 1000 годом. Но сама эпопея относится, по мнению большинства специалистов, в конце VII или к первой трети VIII века. В тот период англосаксы уже переживали начинавшийся процесс зарождения феодальных связей. Поэме, однако, присуща эпическая архаизация. Кроме того, она рисует действительность со специфической точки зрения: мир «Беовульфа» – это мир королей и дружинников, мир пиров, битв и поединков.

Фабула этой крупнейшей из англосаксонских эпоей несложна. Беовульф, молодой витязь из народа гаутов, узнав о бедствии, которое обрушилось на короля данов Хигелака, – о нападениях чудовища Гренделя на его дворец Хеорот и о постепенном истреблении им в течение двенадцати лет дружинников короля, отправляется за море, чтобы уничтожить Гренделя. Победив его, он затем убивает в новом единоборстве, на этот раз в подводном жилище, другое чудовище – мать Гренделя, которая пыталась отомстить за смерть сына. Осыпанный наградами и благодарностями, возвращается Беовульф к себе на родину. Здесь он совершает новые подвиги, а впоследствии становится королем гаутов и благополучно правит страной на протяжении пятидесяти лет. По истечении этого срока Беовульф вступает в бой с драконом, который опустошает окрестности, будучи разгневан покушением на охраняемый им древний клад. Беовульфу удается победить и это чудовище, но – ценою собственной жизни. Песнь завершается сценой торжественного сожжения на погребальном костре тела героя и сооружения кургана над его прахом и завоеванным им кладом.

Эти фантастические подвиги перенесены, однако, из ирреального мира сказки на историческую почву и происходят среди народов Северной Европы: в «Беовульфе» фигурируют датчане, шведы, гауты (кто такие гауты «Беовульфа», остается спорным. В науке предлагались разные толкования: готы Южной Швеции или острова Готланд, юты Ютландского полуострова и даже древние геты Фракии, которых, в свою очередь, в средние века смешивали с библейскими Гогом и Магогом), упоминаются другие племена, названы короли, которые некогда действительно ими правили. Но это не относится к главному герою поэмы: сам Беовульф, видимо, не имел исторического прототипа. Поскольку в существование великанов и драконов тогда все верили безоговорочно, то соединение подобных историй с рассказом о войнах между народами и королями было вполне естественным. Любопытно, что англосаксонский эпос игнорирует Англию (это породило, между прочим, ныне отвергнутую теорию о скандинавском его происхождении). Но, может быть, эта черта «Беовульфа» не покажется столь уж разительной, если иметь в виду, что и в других произведениях англосаксонской поэзии мы встречаем самые различные народы Европы и что с тем же фактом мы столкнемся и в песнях «Старшей Эдды», а отчасти и в «Песни о нибелунгах».

В духе теорий, господствовавших в науке в середине XIX века, некоторые толкователи «Беовульфа» утверждали, что поэма возникла в результате объединения различных песен; было принято рассекать ее на четыре части: поединок с Гренделем, поединок с его матерью, возвращение Беовульфа на родину, поединок с драконом. Высказывалась точка зрения, что первоначально чисто языческая поэма была частично переработана в христианском духе, вследствие чего в ней и возникло переплетение двух мировоззрений. Затем большинство исследователей стало считать, что переход от устных песен к «книжному эпосу» не сводился к простой их фиксации; эти ученые рассматривали «Беовульф» как единое произведение, «редактор» которого по-своему объединил и переработал имевшийся в его распоряжении материал, изложив традиционные сюжеты более пространно. Нужно, однако, признать, что о процессе становления «Беовульфа» ничего не известно.

В эпосе немало фольклорных мотивов. В самом начале упоминается Скильд Скеванг – «найденш». Лодку с младенцем Скильдом прибило к берегам Дании, народ которой был в то время беззащитен из-за отсутствия короля; впоследствии Скильд стал правителем Дании и основал династию. После смерти Скильда вновь положили на корабль и вместе с сокровищами отправили туда, откуда он прибыл, – чисто сказочный сюжет. Великаны, с которыми сражается Беовульф, сродни великанам скандинавской мифологии, и единоборство с драконом – распространенная тема сказки и мифа, в том числе и северного. В юности Беовульф, который, выросши, приобрел силу тридцати человек, был ленив и не отличался доблестями, – не напоминает ли это молодость других героев народных сказаний, например Ильи Муромца? Приход героя по собственному почину на помощь терпящим бедствие, перебранка его с оппонентом (обмен речами между Беовульфом и Унфертом), испытание доблести героя (рассказ о состязании в плавании Беовульфа и Бреки), вручение ему магического оружия (меч Хрунтинг), нарушение героем запрета (Беовульф отнимает клад в поединке с драконом, не ведая, что над сокровищем тяготеет заклятье), помощник в единоборстве героя с врагом (Виглаф, пришедший на выручку Беовульфу в момент, когда тот был близок к гибели), три боя, которые дает герой, причем каждый последующий оказывается более трудным (битвы Беовульфа с Гренделем, с его матерью и с драконом), – все это элементы волшебной сказки. Эпос хранит многие следы своей предыстории, коренящейся в народном творчестве. Но трагический финал – гибель Беовульфа, равно как и исторический фон, на котором разворачиваются его фантастические подвиги, отличают поэму от сказки, – это признаки героического эпоса.

Представители «мифологической школы» в литературоведении прошлого века пытались расшифровать этот эпос таким образом: чудовища олицетворяют бури Северного моря; Беовульф – доброе божество, обуздывающее стихии; его мирное правление – благодатное лето, а его смерть – наступление зимы. Таким образом, в эпосе символически изображены контрасты природы, рост и увядание, подъем и упадок, юность и старость. Другие ученые понимали эти контрасты в этическом плане и видели в «Беовульфе» тему борьбы добра и зла. Символическому и аллегорическому толкованию поэмы не чужды и те исследователи, которые вообще отрицают ее эпический характер и считают ее сочинением клирика или монаха, знавшего и использовавшего раннехристианскую литературу. Эти толкования в значительной мере упираются в вопрос о том, выражен ли в «Беовульфе» «дух христианства» либо перед нами – памятник языческого сознания. Сторонники понимания его как народного эпоса, в котором живы верования героической поры Великих переселений, естественно, находили в нем германское язычество и сводили к минимуму значение церковного влияния. Напротив, те современные ученые, которые причисляют поэму к разряду письменной литературы, переносят центр тяжести на христианские мотивы; в язычестве же «Беовульфа» видят не более как стилизацию под старину. В новейшей критике заметна тенденция к перемещению внимания с анализа содержания поэмы на изучение ее фактуры и стилистики. В середине нашего века преобладало

отрицание связи «Беовульфа» с эпической фольклорной традицией. Между тем за последние годы ряд специалистов склонен считать распространенность в тексте поэмы стереотипных выражений и формул свидетельством ее происхождения из устного творчества.

В науке не существует общепринятой концепции, которая бы достаточно удовлетворительно объясняла «Беовульфа». Между тем без толкования не обойтись. «Беовульф» труден для современного читателя, воспитанного на совсем иной литературе и склонного, пусть невольно, переносить и на древние памятники представления, сложившиеся при знакомстве с художественными творениями нового времени.

В пылу научных споров подчас забывают: независимо от того, каким путем возникла поэма, была ли она составлена из разных кусков или нет, средневековой аудиторией она воспринималась как нечто целое. Это касается и композиции «Беовульфа», и трактовки в нем религии. Автор и его герои часто поминают Господа Бога; в эпосе встречаются намеки на библейские сюжеты, видимо, понятные тогдашней «публике»; язычество явно осуждается. Вместе с тем «Беовульф» пестрит ссылками на Судьбу, которая то выступает в качестве орудия творца и идентична божественному Провидению, то фигурирует как самостоятельная сила. Но вера в Судьбу занимала центральное место в дохристианской идеологии германских народов. Родовая кровная месть, которую церковь осуждала, хотя нередко вынуждена была терпеть, в поэме прославляется и считается обязательным долгом, а невозможность мести расценивается как величайшее несчастье. Короче говоря, идеологическая ситуация, рисуемая в «Беовульфе», достаточно противоречива. Но это противоречие жизни, а не простая несогласованность между более ранней и последующими редакциями поэмы. Англосаксы VII—VIII веков были христианами, но христианская религия в то время не столько преодолела языческое мировосприятие, сколько отеснила его из официальной сферы на второй план общественного сознания. Церкви удалось уничтожить старые капища и поклонение языческим божкам, жертвоприношения им, что же касается форм человеческого поведения, то здесь дело обстояло гораздо сложнее. Мотивы, которые движут поступками персонажей «Беовульфа», определяются отнюдь не христианскими идеалами смирения и покорности воле божьей. «Что общего между Ингельдом и Христом?» – вопрошал известный церковный деятель Алкуин век спустя после создания «Беовульфа» и требовал, чтобы монахи не отвлекались от молитвы героическими песнями. Ингельд фигурирует в ряде произведений; упомянут он и в «Беовульфе». Алкуин признавал несовместимость идеалов, воплощенных в подобных персонажах героических сказаний, с идеалами, проповедуемыми духовенством.

То, что религиозно-идеологический климат, в котором возник «Беовульф», был не однозначен, подтверждается и археологической находкой в Саттон Ху (Восточная Англия). Здесь в 1939 году было обнаружено захоронение в ладье знатного лица, датируемое серединой VII века. Погребение было совершено по языческому обряду, вместе с ценными вещами (мерами, шлемами, кольчугами, кубками, знаменем, музыкальными инструментами), которые могли понадобиться королю в ином мире.

Трудно согласиться с теми исследователями, которых разочаровывает «банальность» сцен поединков героя с чудовищами. Эти схватки поставлены в центре поэмы вполне правомерно, – они выражают главное ее содержание. В самом деле, мир культуры, радостный и многоцветный, олицетворяется в «Беовульфе» Хеоротом – чертогом, сияние которого распространяется «на многие страны»; в его пиршественном зале бражничают и веселятся вождь и его сподвижники, слушая песни и сказания скопа – дружинного певца и поэта, прославляющего их боевые деяния, равно как и деяния предков; здесь вождь щедро одаривает дружинников кольцами, оружием и другими ценностями. Такое сведение «срединного мира» (middangeard) к дворцу короля (ибо все остальное в этом мире обойдено молчанием) объясняется тем, что «Беовульф» – героический эпос, который сложился, во всяком случае в известной нам форме, в дружинной среде.

Хеороту, «Оленьему залу» (его кровля украшена позолоченными рогами оленя) противостоят дикие, таинственные и полные ужаса скалы, пустоши, болота и пещеры, в которых обитают чудовища. Контрасту радости и страха соответствует в этом противоположении контраст света и мрака. Пир и веселье в сияющем золотом зале происходят при свете дня, – великаны выходят на поиски кровавой добычи под покровом ночи. Вражда Гренделя и людей Хеорота – не единичный эпизод; это подчеркивается не только тем, что гигант свирепствовал на протяжении двенадцати зим, до того как был сражен Беовульфом, но и прежде всего самую трагикомично Гренделя. Это не просто великан, – в его образе совместились (хотя, может быть, и не слились воедино) разные ипостаси зла. Чудовище германской мифологии, Грендель вместе с тем и существо, поставленное вне общения с людьми, отверженный, изгой, «враг», а по германским верованиям человек, запятнавший себя преступлениями, которые влекли изгнание из общества, – как бы терял человеческий облик, становился оборотнем, ненавистником людей. Пение поэта и звуки арфы, доносящиеся из Хеорота, где пирует король с дружиной, пробуждают в Гренделе ярость. Но этого мало, – в поэме Грендель назван «потомком Каина». На старые языческие верования напластовываются христианские представления. На Гренделе лежит древнее проклятье, он назван «язычником» и осужден на адские муки. И вместе с тем он и сам подобен дьяволу. Формирование идеи средневекового черта в то время, когда создавался «Беовульф», далеко не завершилось, и в не лишенной противоречивости трактовке Гренделя мы застаем любопытный промежуточный момент этой эволюции. То, что в этом «многослойном» понимании сил зла переплетаются языческие и христианские представления, не случайно. Ведь и понимание бога-творца в «Беовульфе» не менее своеобразно. В поэме, многократно упоминающей «повелителя мира», «могучего бога», ни разу не назван Спаситель Христос. В сознании автора и его аудитории, по-видимому, не находит места небо в богословском смысле, столь занимавшее умы средневековых людей. Ветхозаветные компоненты новой религии, более понятные недавним язычникам, преобладают над евангельским учением о Сыне Божьем и загробном воздаянии. Зато мы читаем в «Беовульфе» о «герое под небесами», о человеке, который заботится не о спасении души, но об утверждении в людской памяти своей земной славы. Поэма заканчивается словами: из всех земных вождей Беовульф более всех был щедр, милостив к своим людям и жаждет до славы!

Жажда славы, добычи и княжеских наград – вот высшие ценности для германского героя, как они рисуются в эпосе, это главные пружины его поведения. «Каждого смертного ждет кончина! – // пусть же, кто может, вживе заслужит // вечную славу! Ибо для воина // лучшая плата-память достойная!» (ст. 1386 след.). Таково кредо Беовульфа. Когда он должен нанести решительный удар своему противнику, он сосредоточивается на мысли о славе. «(Так врукопашную// должно воителю идти, дабы славу// стяжать всевечную, не заботясь о жизни!)» (ст. 1534 след.) «Уж лучше воину // уйти из жизни, чем жить с позором!» (стихи 2889—2890).

Не меньше славы воины домогаются подарков вождя. Нашейные кольца, браслеты, витое или пластинчатое золото постоянно фигурируют в эпосе. Устойчивое обозначение короля – «ломающий гривны» (дарили подчас не целое кольцо, то было значительное богатство, а части его). Современного читателя, пожалуй, удручат и покажутся монотонными все вновь возобновляющиеся описания и перечисления наград и сокровищ. Но он может быть уверен: средневековую аудиторию рассказы о дарах нисколько не утомляли и находили в ней живейший отклик. Дружинники ждут подарков вождя прежде всего как убедительных знаков своей доблести и заслуг, поэтому они их демонстрируют и гордятся ими. Но в ту эпоху в акт дарения вождем драгоценности верному человеку вкладывали и более глубокий, сакральный смысл. Как уже упомянуто, языческая вера в судьбу сохранялась в период создания поэмы. Судьба понималась не как всеобщий рок, а как индивидуальная доля отдельного человека, его везенье, счастье; у одних удачи больше, у других меньше. Могучий король, славный предводитель – наиболее «богатый» счастьем человек. Уже в

начале поэмы мы находим такую характеристику Хродгара: «Хродгар возвысился в битвах удачливый, //без споров ему покорились сородичи...» (ст. 64 след.). Существовала вера, что везенье вождя распространяется и на дружину. Награждая своих воинов оружием и драгоценными предметами – материализацией своей удачи, вождь мог передать им частицу этого везенья. «Владей, о Беовульф, себе на радость//Воитель сильный дарами нашими – //кольцом и запястьями, и пусть сопутствует//тебе удача!» – говорит королева Вальхтеов Беовульфу. (ст. 1216 след.)

Но мотив золота как зримого, осязаемого воплощения удачи воина в «Беовульфе» вытесняется, очевидно под христианским влиянием, новой его трактовкой-как источника несчастий. В этой связи особый интерес представляет последняя часть поэмы – единоборство героя с драконом. В отместку за похищение драгоценности из клада дракон, который сторожил эти древние сокровища, нападает на селения, предавая огню и гибели окружающую страну. Беовульф вступает в схватку с драконом, но нетрудно убедиться, что автор поэмы не усматривает причины, побудившей героя на этот подвиг, в учиненных чудовищем злодеяниях. Цель Беовульфа – отнять у дракона клад. Дракон сидел на кладе три столетия, но еще прежде эти ценности принадлежали людям, и Беовульф желает возвратить их роду человеческому. Умертвив страшного врага и сам получив роковую рану, герой выражает предсмертное желание: увидеть золото, которое он вырвал из когтей его стража. Созерцание этих богатств доставляет ему глубокое удовлетворение. Однако затем происходит нечто прямо противоречащее словам Беовульфа о том, что он завоевал клад для своего народа, а именно: на погребальный костер вместе с телом короля его сподвижники возлагают и все эти сокровища и сжигают их, а останки погребают в кургане. Над кладом тяготело древнее заклятье, и он бесполезен людям; из-за этого заклятья, нарушенного по неведению, Беовульф, по-видимому, и погибает. Поэма завершается предсказанием бедствий, которые обрушатся на гаутов после кончины их короля.

Борьба за славу и драгоценности, верность вождю, кровавая месть как императив поведения, зависимость человека от царящей в мире Судьбы и мужественная встреча с нею, трагическая гибель героя – все это определяющие темы не одного только «Беовульфа», но и других памятников германского эпоса.

Беовульф

Истинно! исстари
слово мы слышим

о доблести данов,
о конунгах датских, [1]

чья слава в битвах
была добыта!

Первый – Скильд Скевинг,
войсководитель,

5

не раз отрывавший
вражьи дружины

от скамей бражных.
За все, что он выстрадал

в детстве, найденыш, [2]
ему воздалось:

стал разрастаться
властный под небом

и, возвеличенный,
силой принудил

10

народы заморья
дорогой китов [3]

дань доставить
достойному власти.

Добрый был конунг! [4]
В недолгом времени

сын престола,
наследник родился,

посланный Богом
людям на радость

15

и в утешение,
ибо Он видел

их гибель и скорби
в век безначалия [5], —

от Вседержителя вознаграждение,
от Жизнеподателя благонаследие,

знатен был Беовульф, [6]
Скильдovo семя,

в датских владениях.
С детства наследник

20

добром и дарами
дружбу дружины

должен стяжать,
дабы, когда возмужает,

соратники
стали с ним о бок,

верные долгу,
если случится война, —

ибо мужу
должно достойным

25

делом в народе
славу снискать!

В час предначертанный
Скильд отошел,

воеводитель
в пределы Предвечного. —

Тело снесли его
слуги любимые

на берег моря,
как было завещано

30

Скильдом, когда еще
слышали родичи

голос владычный
в дни его жизни.

Челн кругогрудый
вождя дожидался, [7]

льдисто искрящийся
корабль на отмели:

там был он возложен
на лоно ладейное,

35

кольцедробитель;
с ним же, под мачтой,

груды сокровищ —
добыча походов.

Я в жизни не видывал
ладьи, оснащенной

лучше, чем эта,
орудьями боя,

одеждами битвы —
мечами, кольчугами:

40

всё — самоцветы,
оружие, золото —

вместе с властителем
будет скитаться

по воле течений.
В дорогу владыку

они наделили
казной не меньшей,

чем те, что когда-то
в море отправили

45

Скильда-младенца
в суденышке углом.

Стяг златотканый
высоко над ложем

на мачте упрочив,
они поручили

челн теченьям:
сердца их печальны,

сумрачны души,
и нет человека

50

из воинов этих,
стоящих под небом,

живущих под крышей,
кто мог бы ответить,

к чьим берегам
причалит плывущий.

Долго правил
твердыней данов

Беовульф датский,
народоводитель

55

Скильдинг, наследник
единодержца,

пока не сменил его
сын его, Хальфдан

славный, что властил
до самой смерти.

и в старости Скильдинг
бойцом был отменным.

Родилось на землю
от Хальфдана [8] четверо:

60

Херогар, Хродгар,
Хальга Добрый

и дочь, которая,
слышал я, стала

подругой Онелы
в опочивальне,

супругой Скильвинга,
конунга шведского.

Хродгар возвысился
в битвах удачливый,

65

без споров ему
покорились сородичи,

выросло войско
из малой дружины

в силу великую.
Он же задумал

данов подвигнуть
на труд небывалый:

хоромы строить,
чертог для трапез,

70

какого люди
вовек не видывали;

там разделял бы он
со старыми, с юными

все, чем богат был
по милости Божьей,

только земля неделима
и войско едино.

Слышал я также,
по воле владыки

75

от дальних пределов
народы сходились

дворец возводить
и воздвигли хоромы

в срок урочный,
а тот, чье слово

было законом,
нарек это чудо

Палатой Оленя,
именем Хеорот; [9]

80

там золотые
дарил он кольца

всем пирующим.
Дом возвышался,

рогами увенчанный;
недолговечный, [10]

он будет предан
пламени ярому

в распре меж старым
тестем и зятем —

85

скоро нагрянули
зло и убийство.

Тут разъярился
дух богомерзкий,

житель потемков,
который вседневно

слышал застольные
клики в чертогах:

там арфа пела
и голос ясный

90

песносказителя,
что преданье

повел от начала,
от миротворенья; [11]

пел он о том,
как Создатель устроил

сушу – равнину,
омытую морем,

о том, как Зиждитель
упрочил солнце

95

и месяц на небе,
дабы светили
всем земнородным.
и как Он украсил

зеленью земли,
и как наделил Он
жизнью тварей,
что дышут и движутся.

Счастливо жили
дружинники в зале,

100

пока на беду им
туда не явилось

ада исчадие:
Гренделем звался

пришелец мрачный,
живший в болотах,

скрывавшийся в топях,
муж злосчастливый,

жалкий и страшный
выходец края,

105

в котором осели
все великаны

с начала времен,
с тех пор, как Создатель

род их проклял.
Не рад был Каин [12]

убийству Авеля,
братогубительству,

ибо Господь
первоубийцу

110

навек отринул
от рода людского,

пращура зла,
зачинателя семени

эльфов, драконов,
чудищ подводных

и древних гигантов,
восставших на Бога,

за что и воздалось
им по делам их.

115

Ночью Грендель
вышел разведать,

сильна ли стража
кольчужников датских

возле чертога,
и там, в покоях,

враг обнаружил
дружину, уснувшую

после пиршества,
— не ждали спящие

120

ужасной участи,
– тогда, не мешкая,

грабитель грозный,
тать кровожадный

похитил тридцать
мужей-воителей,

и, с громким хохотом
и корчась мерзостно,

вор в берлогу
сволок добычу,

125

радуясь запаху
мяса и крови.

Лишь на рассвете
открылись людям

следы побоища
и сила Гренделя,

был после пиршества
плач великий! [13]

Скорбь огласила
утро стенаньями;

130

муж безупречный [14]
сидел неутешен —

горе страшное,
слишком тяжкое!

след проклятого
гостя видеv,

он оплакивал,
конунг, павших

в неравной схватке.
Но не успели

135

даны опомниться:
ночь наступила,

и враг ненасытный,
в грехе погрязший,

опять набег
учинил убийственный;

не раз случалось
людям в ту пору

искать ночлега,
стелить постели

140

вдали от высокой
дворцовой кровли,

ибо враг кровожаждущий
в этом доме бесчинствовал,

и, спасаясь от недруга,
уходили воины

прочь от места опасного;
он один одержал

верх над множеством
и остался, злокозненный.

145

в доме конунга
беззаконным хозяином;

и надолго чертог
обезлюдел.

Так двенадцать зим [15]
вождь достойный,

друг Скильдингов,
скорби смертные

и бесчестье терпел

и печали неисчислимые.

150

И слагались в то время
по всей земле

песни горестные,
но правдивые

о том, как Грендель
войной на Хродгара

год за годом
злосердый ходит,

и нет предела
проклятой пагубе,

155

не ищет враг
замирения с данами,

не прекращает
разбоя кровавого,

цену крови
платить и не думает, [16]

мужа знатного
даже золотом

у злодея не выкупить.
Так преследовал

160

датских ратников
призрак дьявольский,

ждал юных в засадах
и старых воинов

рвал на части,
из топей туманных

являлся ночью, —
кто знает, откуда

приходят скитальцы,
причастные тайн

165

самой преисподней!
— и множил муки

богоотверженец;
светлый Хеорот

стал пристанищем
полночной нечисти —

только места высокого,

освященного Богом,

не касался поганый,
не смел осквернять

170

трона кольцедарителя. [17]
Такое Скильдингу

на долю выпало
горе долгое.

Сидели знатные,
судили мудрые,

в совете думали,
как бы вернее

людей избавить
от страшной участи;

175

молились идолам,
душегубителям,

и, воздавая им
жертвы обетные,

просили помощи
и подкрепления —

то суеверие,
обряд языческий,

то поклонение
владыке адскому!

180

Был им неведом
Судья Деяний,

Даритель Славы,
Правитель Неба,

не знали Бога,
не чтили Всевышнего. [18]

Горе тому,
кто нечестьем и злобой

душу ввергает
в гееннский огонь,

185

не будет ему
ослабления в муках!

Но благо тому,
кто по смерти предстанет

пред Богом

и вымолит у Милосердного

мир и убежище
в лоне Отца!

Не было роздыха
сыну Хальфдана

190

в его несчastьях,
не мог всемудрый

осилить пагубу.
горе страшное,

слишком тяжкое,
напасть ночную,

людей постигшую
в его державе.

Услышал весть
о победах Гренделя

195

храбрец гаутский,
дружинник Хигелака

– он был сильнейшим
среди могучих

героев знатных,
статный и гордый;

и приказал он
корабль надежный

готовить в плавание:
там, за морем,

200

сказал, найдем мы,
за лебединой дорогою, [19]

конунга славного,
но бедного слугами!

Людей не пугала
затея дерзкая,

хотя и страшились
за жизнь воителя,

но знаменья были
благоприятные.

205

Тогда собрал он,
ратеначальник,

в дружину гаутов

нахрабрейших,

товарищей верных,
числом четырнадцать,

и, сам пятнадцатый,
опытный кормчий,

повел их к морю,
к пределам суши.

210

Время летело,
корабль в заливе

вблизи утесов
их ждал на отмели;

они вступили
на борт, воители, —

струи прилива
песок лизали, —

и был нагружен
упругоробкий

215

мечами, кольчугами;
потом отчалил,

и в путь желанный
понес дружину

морской дорогой
конь пеногрудый

с попутным ветром,
скользя, как птица, [20]

понад волнами,
— лишь день и ночь

220

драконоголовый
летел по хлябям,

когда наутро
земля открылась —

гористый берег,
белые скалы,

широкий мыс,
озаренный солнцем,

они достигли
границы моря.

225

Ладья их на якоре

стояла в бухте;

герои гаутские
сошли на берег,

блестя кольчугами,
звоня мечами,

и возгласили
хвалу Всевышнему,

что ниспослал им
стезю безбурную.

230

Тогда с утеса
дозорный Скильдингов,

страж побережья,
следил, как ратники

во всеоружии,
в одеждах битвы

над бурунами
проходят по сходням;

дивился витязь
гостям незваным,

235

и прямо к ним он
коня направил,

служитель Хродгара,
и древком ясеневым,

копьем потрясая,
спросил пришельцев: —

«Кто вы,
закованные в броню,

покрывшие головы
железными шлемами,

240

судно грузное
по мелководьям

сюда приведшие
из океана?

Давно храню я
наши границы,

поморье датское
от злонамеренных

морских разбойников,
но не упомяну,

245

чтобы чужая
дружина вышла

на этот берег
так, без опаски.

без дозволения
моих сородичей,

власть предержавших.
И я ни в жизни

не видел витязя [21]
сильней и выше,

250

чем ваш соратник
– не простолюдин

в нарядной сбруе.
– кровь благородная

видна по выправке!
Но я обязан

узнать немедля
ваш род и племя,

дабы вошли вы
в пределы датские

не как лазутчики.
Вы, чужеземцы,

морские странники,
поторопитесь! —

я жду ответа,
я должен сведать,

откуда вы
и почто явились!»

Воеводитель
ему отвечивал,

раскрыл сокровищницу
слов благородных: [22]

«Мы все от семени
мужей гаутских,

наш конунг — Хигелак,
его дружина — мы.

Воитель мудрый,
всеземнознатный

отец мой, Эггтеов, [23]
состарясь, умер,

265

покинул землю,
– тому немало

минуло зим,
– но имя славное

доньне знаемо
под этим небом.

Не злые мысли
ведут нас к датскому

народоправителю,
к сыну Хальфдана,

270

так помоги нам
добрым советом! —

и мы не скроем
от высокородного

помыслов наших,
о коих скоро

и ты узнаешь.
Молва разносит, —

скажи, то правда ли
– что будто некая

275

тварь неведомая
тревожит Скильдинга,

датчан ночами
исчадь мрака,

злбесный призрак,
в набегах яростных

губит и грабит.
От всей души я

хотел бы Хродгару
помочь советом,

280

дабы избавить
его от бедствия,

дабы вернулось
благополучие

в его державу,
дабы утихли

волны печалей,
не то вовеки

страх и злосчастье
с ним пребудут,

285

покуда не рухнут
стропила и кровля,

пока стоят
на холме хоромы».

С коня ответил
отважный всадник,

сказал дозорный:
«И сам ты знаешь,

что должно стражу
– щитоносителю

290

судить разумно
о слове и деле.

Я вижу ясно,
с добром вы к Скильдингу

путь свой правите,
и вам тореную

тропу, кольчужники,
я укажу;

а людям велю я
этот свежесмоленный

295

корабль охранять
и беречь от недругов;

пускай на песке
дожидает спокойно

древо морское
доброе кормщика;

вновь полетит
змееглавый по хлябям,

неся восвояси
хозяина славного,

300

к землям гаутским,
а с ним и дружинников —

тех, кого в битве
Судьба упасет».

Двинулась рать
(корабль остался,

причаленный к берегу,
широкогрудый,

на тяжком якоре);
ярко на шлемах

305

на островерхих
вепри-хранители [24]

блистали золотом.
Так за вожатым

спешила дружина
мужей войнолюбых

широкой дорогой,
и вдруг перед ними

в холмах воссияла
златослепящая

310

кровля чертога,
жилища Хродгара:

под небом не было
знатней хоромины,

чем та, озарявшая
окрестные земли.

Узрели славу
твердыни престольной

щитоносители;
страж, указав им

315

путь прямохожий,
коня направил

обратно к морю,
и молвил ратник:

«Теперь идите.
Отец Вседержитель

да будет с вами!
Дай Бог вам силы

в грядущих сражениях!
А я возвращаюсь

320

хранить границу
от недругов наших!»

На пестрые плиты, [25]
на путь мощеный

толпа ступила
мужей dospешных

в нарядах ратных,
в кольчугах, звенящих

железными кольцами,
прочными звеньями,

325

войско блестящее
шло ко дворцу.

Там, под стеной,
утомленные морем,

они сложили
щиты широкие

в ряд на лавы
– раскатом грянули

их нагрудники;
там же составили

330

копья из ясеня
вместе с мечами,

бремя железное,
вооружение

морестранников.
Тут страж-привратник,

воитель гордый,
спросил пришельцев?

«Откуда явились
щиты золоченые,

335

кольчуги железные,
грозные шлемы,

длинные копья?
Немало у Хродгара

я, глашатай,
встречал иноземцев,

но столь достойных
не видел! Надеюсь,

не ради прибежища,
как изгнанники, [26]

340

но ради подвигов
пришли вы к Хродгару!»

Вождь гаутов
ему ответил,

стойкий в битве,
статный под шлемом,

такими словами:
«Из дома Хигелака

веду соратников
я, воин Беовульф, [27]

345

хочу поведать
владыке вашему,

потомку Хальфдана,
что мы замыслили,

коль скоро конунг
окажет милость

и нас допустит
в свои палаты».

Вульфгар отвечивал,
вождь венделов, [28]

350

муж многомудрый,
меж соплеменников

мужеством славный:
«Владыке Скильдингов

слово просящего,
конунгу данов,

кольцедробителю,
речи твои,

о вождь дружины,
я передам.

355

Ждите! – скоро
веление конунга —

народоправителя
вы услышите!»

Туда вошел он,
где старый Хродгар

сидел седовласый
среди придворных;

там, на помосте,
перед престолом

360

славного пастыря,
пред ликом Хродгара

встал Вульфгар,
и молвил он, вестник:

«Люди, пришедшие
к нам издалека,

морской дорогой
из края гаутов, —

привел их воин
по имени Беовульф,

365

просят они,
повелитель, выслушать

слово, с которым
к тебе спешили;

о господин,
не отказывай пришлым,

слух преклони,
благородный Хродгар, —

оружие доброе
служит порукой

370

их силе и мужеству;
муж могучий,

приведший войско,
– вождь достойный!»

Владычный Скильдинг,
Хродгар ответил:

«Видел я витязя
в дни его детства;

умер отец его,
добрый Эггтеов,

375

в дом которого
дочь единственную

отдал Хредель; [29]
к старому другу

отца явился
и сын могучий,

о нем я слышал
от мореходов,

ладьи водивших
в страну гаутов

380

с моими дарами;
они рассказывали,

как тридцать ратников
переборол он

одной рукою.
Бог Всеблагой

направил к данам,
послал, Милосердный,

этого мужа
– так я думаю

385

против Гренделя,
и я героя,

по дружбе, как должно,
дарами встречу!

Сюда немедля
введи достойных

– пусть предо мною
они предстанут,

скажи: воистину
гостям желанным

390

даны рады!»
Тогда из чертога

вышел Вульфгар
с такими словами:

«Изволил конунг,
владыка данов,

мой повелитель,
сказать, что знает

род ваш и племя
и рад приветствовать

395

героев, пришедших
к нам из-за моря.

Теперь в боевом
облачении, в шлемах

ступайте в палаты
да кланяйтесь Хродгару,

а ваше оружие
покуда оставьте [30]

тут, у порога,
щиты и копья».

400

Встал среди ратников
статный воин,

вождь дружины,
велел, как должно,

верной страже
стеречь оружие,

а сам с остальными
вслед за глашатаем

двинулся в Хеорот.
Витязь явился

405

могучий в шлеме
перед престолом,

и молвил Беовульф
(кольчуга искрилась,

сеть, искусно
сплетенная в кузнице [31])

«Привет мой Хродгару!
Я – воин Хигелака,

его племянник;

мне ратное дело

410

с детства знакомо,
Там, в отчем доме,

услышал я вести
о битвах с Гренделем —

морские странники
о том мне поведали,

что дом дружинный,
тобой построенный,

чертог обширный
пустеет вечером,

415

чуть солнца на небе
померкнет слава.

Тогда старейшины,
мои сородичи

из лучших лучшие,
меня подвигнули

тебе, о Хродгар,
отдать в услужение

рук моих крепость,
ибо воочию

420

сами видели,
как я из битвы

шел, обогранный
кровью пяти

гигантов поверженных;
а также было,

я бился ночью
с морскими тварями,

мстя, как должно,
подводной нечисти

425

за гибель гаутов;
так и над Гренделем

свершить я надеюсь
месть кровавую

в единоборстве.
Доверь, владыка

блистательных данов,

опора Скильдингов,

щит народа,
– тебя заклинаю

430

я, прибывший
с дальнего берега,

о друг воителей,
доверь пришельцам,

мне с моею
верной дружиной,

отряду храбрых
охрану Хеорота!

К тому же, зная,
что это чудище,

435

кичась могучестью,
меча не носит,

я так же – во славу
великого Хигелака,

сородича нашего
и покровителя! —

я без меча,
без щита широкого,

на поединок
явлюсь без оружия:

440

враг на врага,
мы сойдемся, и насмерть

схватимся врукопашную,
– Небо укажет,

Бог рассудит,
кому погибнуть!

И если он
победит, как обычно

в этом зале,
тогда уж гаутов,

445

моих соратников,
он беспрепятственно

пожрет, злобесный;
тебе же не будет

забот похоронных,

коль скоро сгину, —

меня утащит
окровавленного

в свою берлогу,
в багровокипящий

450

болотный омут,
и в клочья тело

мое растерзает
себе на мясо,

а мне уже пищи
не нужно будет.

И если сгибну,
похищенный битвой,

мои доспехи
пошлите Хигелаку,

455

меч и кольчугу
работы Вилунда, [32]

наследие Хределя.
Судьба непреложна!»

Скильдинг-властитель,
Хродгар вымолвил:

«К нам ты ныне
явился, Беовульф,

как друг и защитник,
верный долгу;

460

ведь было: в споре
убивши Хадолафа, [33]

из рода Вильвингов,
отец твой распрю

посеял кровную;
когда же гауты,

страшась усобиц,
его отринули,

бежал он от мести
к нам, за море,

465

под руку Скильдингов,
в пределы датские,

где я уже властил

тогда над данами,

правил державой,
обширным краем,

твердыней героев
(достойней владел бы

наследием Хальфдана
брат мой старший,

470

да умер Херогар
прежде времени! [34]),

я же немедля
в оплату крови [35]

золото выслал
Вильвингам за море:

я замирил их
– беглец присягнул мне.

А ныне я должен
скрепивши сердце

475

поведывать людям,
как лютый Грендель

бесчестит Хеорот,
без счета губит

моих домочадцев:
дружина тает,

Судьба безжалостная
уносит воинов

в схватках с Гренделем.
Но Бог поможет

480

воздать злодею
за горести наши!

Не раз похвалялись
в застольях бражных,

над полными чашами
честью хвалились

герои остаться
ночью на страже

и Гренделя в зале
мечами встретить;

485

тогда наутро

в чертоге для пиршеств

мы находили
запекшейся крови

потоки и пятна,
пол обагренный,

скамьи и стены,
– так я утратил

многих знатнейших,
всех смерть похитила!

490

Но время! – сядем
за пир, и сердце

тебе, воитель,
подскажет словом».

Тогда им дали
на скамьях медовых

места в застолье,
и гости-гауты

сели за трапезу,
ратники сильные,

495

храбросердые;
брагу медовую

в чеканные чаши
лил виночерпий,

песноказитель
пел о Хеороте;

и беспечально
там пировали

две дружины —
датчан и гаутов.

500

Тут Унферт, [36]
сын Эгглафа,

сидевший в стопах
у владыки Скильдингов,

начал прение
(морепроходец,

пришелец Беовульф,
его раззадорил:

неужто в мире
ему соперник

505

нашелся, воин
под небом славный,

его сильнейший),
и вот он начал:

«Не тот ли ты Беовульф,
с которым Брека

сореvновался
в умении плавать,

когда, кичась
непечатой силой,

510

с морем спорили
вы, бессмыслые,

жизнью рискуя?
Ни друг, ни недруг,

ни муж разумный
не мог отвратить вас

от дикой затеи
соперничать в океане.

Пучин теченья
сеча руками,

515

взмахами меряя
море-дорогу,

вы плыли по волнам,
по водам, взбитым

зимними ветрами,
семеро суток.

Тебя пересилил
пловец искусный,

тебя посрамил он:
на утро восьмое,

520

брошенный бурей
к норвежскому берегу,

он возвратился
в свои владенья,

в земли Бродингов,
в дом наследный,

где правит поныне,
на радость подданным,

казной и землями.
Клятву сдержал

525

сын Бенстана
– был первым!

Вот почему я
предчую худшее

(хотя и вправду
ты крепок в битве,

в честной сече),
коль скоро, с вечера

тут оставшись,
ты встретишь Гренделя!»

530

Ответил Беовульф,
сын Эггтеова:

«Не чересчур ли
ты, друг мой Унферт,

брагой упившись,
о подвигах Бреки

тут разболтался?
На самом же деле

никто из смертных
со мной не сравнится бы

535

мощью на море,
выдержкой на океане.

Когда-то, поспорив,
мы вправду задумали,

жизнью рискуя
(а были оба

еще недоростками!),
взапуски плавать

в открытых водах.
Сказано – сделано:

540

кинулись в зыби,
клинки обнажив

ради защиты
от хищных тварей,

там обитавших.
Сил не достало

ему тягаться
со мной на быстринах,

но я не покинул
его над бездной:

545

вместе держались
в опасных водах,

рядом плыли
пятеро суток, [37]

покуда буря
и сумрак ночи,

северный ветер,
снег и волны

кипящих течений
не разлучили

550

нас в ненастье.
Со дна морского

нечисть восстала
– в пене ярились

полчища чудищ.
Рубаха-кольчуга

искусной вязки,
железной пряжи

мне послужила,
шитая золотом,

555

верной защитой,
когда морезитель,

стиснув когтистыми
лапами тело,

вдруг потащил меня
в глубь океана;

Судьбой хранимый,
я изловчился,

– клинком ужалил
зверя морского

560

канул на дно
обитатель хлябей.

Кишела нежить,
грозя мне погибелью

в бурлящей бездне,
но я поганых

мечом любимым
учил, как должно!

Не посчастливилось
злой несуге

565

мною поживиться,
плотью лакомой,

пищей пиршественной
в глубоководье,

зато наутро
в прибрежных водах

всплыли распухшие
туши животных,

клинком усыпленных,
и с этой поры

570

стал безопасен
путь мореходный

над теми безднами.
Божий светоч

взошел с востока,
утихла буря,

и я увидел
источенный ветром

скалистый берег.
Судьба от смерти

575

того спасает,
кто сам бесстрашен! [38]

Всего же девять
избил я чудищ

и, право, не знаю,
под небом ночным

случались ли встречи
опасней этой,

был ли кто в море
ближе к смерти,

580

а все же я выжил
в неравной схватке —
меня, усталого,
но невредимого,

приливом вынесло,
морским течением

к финским скалам. [39]
Но я не слышал

подобных былей
о подвигах ратных,

585

тобой совершенных:
ни ты, ни Брека —

в игре сражений
не смели вы оба

железом кровавым
творить, как должно,

дела достойные,
зато известно,

что ты убийца
своих сородичей,

590

братьев кровных,
— проклятье ада,

как ни лукавь ты,
тебя не минет!

Скажу воистину
тебе, сын Эгглафа:

не смог бы Грендель
бесчинствовать в Хеороте,

не смел бы нечистый
бесчестить владыку,

595

когда бы сердце
твое вмещало

столько же храбрости,
сколько бахвальства!

Но знает он,
что его не встретят,

противоборствуя,
мечами острыми,

и без опаски
враг набегаёт

600

на земли Скильдингов,
твоих сородичей,

и с Данов дань
собирает кровью,

и ест и пьет он
и не трепещет

при встрече с данами.
Дайте время,

на деле узнает он
доблесть гаутскую!

605

Завтра поутру,
когда над миром

зажжется Светоч,
солнце на небе

явится ясное,
— всяк без боязни

сможет на пиршестве
пить брагу в Хеороте!»

Пришлась по нраву
кольцедарителю,

610

седовласому
старцу-воину,

решимость Беовульфа:
он уверовал,

пастырь данов,
в близость спасения.

Громче смех
зазвучал и речи

среди воителей;
вышла Вальхтеов, [40]

615

блистая золотом,
супруга Хродгара,

гостей приветствовать
по древнему чину:

высокородная
вождю наследному [41]

вручила первому
чашу пенную,

да не грустил бы
в пиру властитель,

620

владыка данов,
— до дна он выпил,

радуясь трапезе,
добрый конунг;

затем гостей
обходила Вальхтеов

с полной чашей,
потчуя воинов,

старых и юных,
пока не предстала

625

жена венценосная,
кольцевладелица

с кубком меда
перед гаутским

войсководителем;
многоразумная

Бога вославила,
ей по молитвам

в помощь пославшего
рать бесстрашную.

630

Чашу воитель
принял от Вальхтеов

и ей отвечивал
жаждущий битвы,

молвил Беовульф,
сын Эггтеова:

«Дал я клятву,
когда с дружиной

всходил на ладью,
чтобы плыть за море:

635

или избуду я
ваши беды,

или сгину
в тугих объятых

рук вражбых,
— зарок мой крепок!

добуду победу,
или окончатся

дни моей жизни
в этом чертоге!»

640

Пришлась по сердцу
хозяйке дома

клятва гаута.
Воссела властная

золотоносица
возле супруга,

и пир разгорелся,
как в дни былые;

застольные клики,
смех и песни

645

в хоромах грянули,
но сам сын Хальфдана

прервал веселье,
спеша укрыться

в ночных покоях:
он знал, что недруг,

дождавшись часа,
когда помрачится

закатное солнце
и с неба сумерки

650

призрачным облаком
сползут на землю, —

враг явится яростный,
жизнекрушитель,

в зал для пиршеств.
Повстала дружина;

воин воину,
Хродгар Беовульфу

сказал в напутствие,
благословляя

655

ночную стражу,
такое слово:

«Кроме тебя,
никому [42] до сегодня

я не вверял
сокровищниц датских

с тех пор, как впервые
поднял свой щит.

Прими под охрану
мое жилище!

660

Помни о славе!
Исполни клятву!

Врага стереги!
– и добудешь награду, [43]

коль скоро в сражении
жизнь не утратишь!»

Хродгар вышел,
за ним дружина,

опора Скильдингов,
прочь из зала;

665

возлег державный
на ложе Вальхтеов

в покоях жениных;
уже прослышали

все домочадцы,
что сам Создатель

охрану выставил
в хоромах конунга,

дозор надежный
противу Гренделя.

670

Гаутский воин,
душа отважная,

снял шлем железный,
себя вверяя

Господней милости
и силе рук своих,

кольчугу скинул
и чудно скованный

свой меч отменный
на время боя

675

отдал подручному
на сохранение.

Всходя на ложе,
воскликнул Беовульф,

гаут могучий,
врагу в угрозу: [44]

«Кичится Грендель
злочудищной силой,

но я не слабей

в рукопашной схватке!

680

Мне меч не нужен!
– и так сокрушу я

жизнь вражью.
Не посчастливится

мой щит расщепить ему,
– хотя и вправду

злодей не немощен!
– я пересилю

в единоборстве,
когда мы сойдемся,

685

отбросив железо,
коль скоро он явится

нынче ночью!
Над нами Божий,

Господень свершится
суд справедливый —

да сбудется воля
Владыки Судеб!»

Склонил он голову,
высокородный,

690

на пестроцветное изголовье,
вокруг мореходы

легли по лавам
в палате для пиршеств;

из них ни единый
не чаял вернуться

под кров отеческий,
к своим сородичам

в земли дальние,
их вскормившие,

695

ибо знали,
как много датских

славных витязей
в этом зале

было убито.
Но Бог-заступник,

ткач удачи,

над ратью гаутской

вождем поставил
героя, чья сила

700

верх одержала
над вражьей мощью

в единоборстве,
– воистину сказано:

Бог от века
правит участью

рода людского!
Исчадие ночи

вышло на промысел;
воины спали, [45]

705

уснула охрана
под кровлей высокой,

из них лишь единый
не спал (известно,

без попушенья
Судьбы-владычицы

хищная тварь
никого не утащит

в крошечное логово),
на горе недругу

710

он ждал без страха
начала схватки.

Из топей сумерных
по утесам туманным

Господом проклятый
шел Грендель

искать поживы,
крушить и тратить

жизни людские
в обширных чертогах;

715

туда поспешал он,
шагая под тучами,

пока не увидел
дворца златоверхого

стен самоцветных,

– не раз наведывался

незванный к Хродгару,
сроду не знавший

себе соперника,
не ждал и нынче,

720

найти противника,
дозор дружинный

в ночных покоях.
(Шел ратобитец

злосчастный к смерти. [46])
Едва он коснулся

рукой когтелайпой
затворов кованых —

упали двери,
ворвался пагубный

725

в устье дома,
на пестроцветный

настил дворцовый
ступил, неистовый,

во тьме полыхали
глаза, как факелы,

огонь извергали
его глазницы.

И там, в палатах,
завидев стольких

730

героев-сородичей,
храбрых воителей,

спящих по лавам,
возликовал он;

думал, до утра
душу каждого,

жизнь из плоти,
успеет вырвать,

коль скоро ему
уготовано в зале

735

пышное пиршество.
(После той ночи

Судьба не попустит

– не будет он больше

мертвить земнородных!)
Зорко высматривал

дружинник Хигелака
повадки вражды,

стерег недреманный
жизнекрушителя:

740

чудище попусту
не тратило времени!

тут же война
из сонных выхватив, [47]

разъяло ярое,
хрустя костями,

плоть и остов
и кровь живую

впивало, глотая
теплое мясо;

745

мертвое тело
с руками, с ногами

враз было съедено.
Враг приближался;

над возлежащим
он руку простер,

вспороть намерясь
когтистой лапой

грудь храбросердого,
но тот, проворный,

750

привстав на локте,
кисть ему стиснул,

и понял грозный
пастырь напастей,

что на земле
под небесным сводом

еще не встречал он
руки человеческой

сильней и тверже;
душа содрогнулась,

755

и сердце упало,

но было поздно

бежать в берлогу,
в логово дьявола;

ни разу в жизни
с ним не бывало

того, что случилось
в этом чертоге.

Помнил доблестный
воин Хигелака

760

вечернюю клятву:
восстал, угнетая

руку вражью,
– хрустнули пальцы;

недруг отпрянул
– герой ни с места;

уйти в болота,
зарыться в тину

хотело чудище,
затем что чуяло,

765

как слабнет лапа
в железной хватке

рук богатырских,
– так обернулся

бедой убийце
набег на Хеорот!

Гром в хоромах,
радости бражные

вмиг датчанами,
слугами, воинами,

770

были забыты;
в гневе сшибались

борцы распаленные:
грохот в доме;

на редкость крепок,
на диво прочен

был зал для трапез,
не развалившийся
во время боя,
– скобами железными

775

намертво схвачен
внутри и снаружи

искусно построенный;
в кучу валились

резные лавы,
скамьи бражные

(об этом люди
мне рассказали [48]),

допрежде не знали
мудрые Скильдинги,

780

что крутоверхий,
рогами увенчанный

дом дружинный
не властна разрушить

рука человеческая
– это под силу

лишь дымному пламени. [49]
Громом грянули

крики и топот;
жуть одолела

785

северных данов, [50]
когда услышали

там, за стенами.
стон и стенания

богоотверженца
– песнь предсмертную,

вой побежденного.
воплъ скорбящего

выходца адского.
Верх одерживал,

790

гнул противника
витязь незыблемый,

сильнейший из живших
в те дни под небом.

Причины не было
мужу-защитнику

шадить сыроядца,
пришельца миловать,

не мог он оставить
в живых поганого

795

людям на пагубу.
Спутники Беовульфа

мечами вращали,
тщась потягаться,

сразиться насмерть
за жизнь дружинного

вождя, воителя
всеземнознатного:

в толпу стеснившись,
они обступили

800

врага, пытались,
мечами тыча,

достать зломогучего,
о том не ведая,

что ни единым
под небом лезвием,

искуснокованым
клинком каленым

сразить не можно
его, заклятого,

805

он от железных
мечей, от копий

заговорен был, [51]
– но этой ночью

смерть свою встретил
он, злосчастливый,

и скоро мерзкая
душа, изыдя

из тела, ввергнется
в объятия адские.

810

Враг нечестивый,
противный Богу,

предавший смерти
несметное множество

землерожденных,
теперь и сам он

изведал смертную
немошь плоти,

изнемогавший
в руках благостойкого

815

дружинника Хигелакова;
непримиримы

они под небом.
Неисцелимая

в плече нечистого
кровоточащая

зияла язва
– сустав разъялся,

лопнули жилы;
стяжал в сражении

820

победу Беовульф,
а Грендель бегством

в нору болотную
упасся, гибнущий,

в берлогу смрадную
бежал, предчуя

смерть близкую;
земная жизнь его

уже кончилась.
И тотчас даны,

825

едва он скрылся,
возликовали:

герой-пришелец
изгнал злосчастье

из дома Хродгара,
он, доброхрабрый,

избыл их беды;
битва умножила

славу гаута,
слово чести,

830

что дал он данам,
герой не нарушил:

спас их от гибели,
исправил участь

людей, не знавших
удачи в стычках,

избавил скорбных
от долготрадания, —

тому свидетельство
люди увидели,

835

когда победитель
под кровлей дворцовой

поднял высоко
плечо с предплечьем

– острокогтистую
лапу Гренделя.

Наутро толпами
(так люди мне сказывали)

стали сходиться
дружины к хороmine:

840

дальних и ближних
земель старейшины

шли по дорогам
взглянуть на чудо

– следы чудовища;
из них ни единого

не опечалила
кончина недруга.

Следы поведали,
как, насмерть раненный,

845

разбитый в битве,
убрел враг, шатаясь,

и, Богом проклятый,
свой путь направил

к бучилу адскому
– в пучине сгинул;

варом кровавым
вскипели воды,

вспучился омут,
покрылся пеной,

850

мутные волны,
вздымаясь, дымились

багровым паром,
кровью злорадца,

лишенного радостей
и обреченного, —

геенна приняла
темного духа.

От топей к дворцу
повернули старейшины,

855

к праздничной трапезе;
за ними ратников,

всадников сила
на серых конях

шла от болота,
они возглашали:

да славится Беовульф [52]
под этим небом! —

нет другого
от моря до моря

860

на юг и на север
земли срединной,

кто бы сравнился
с ним в добродоблести,

кто был бы достойней
воестаршинствовать!

(Они и Хродгара,
вождя любимого,

хвалить не забыли
– он добрый был конунг!)

865

Там и наездники,
быстрые в битвах,

вскачь пускали
коней буланых,

и приближенный,
любимец конунга,

славословий знаток
многопамятливый, [53]

сохранитель преданий
старопрежних лет,

870

он, по-своему
сопрягая слова,

начал речь
– восхваленье Беовульфа;

сочетая созвучья
в искусный лад,

он вплетал в песнопение
повесть новую,

неизвестную людям
поведывал быль

875

все, что слышал
о подвигах Сигмунда,

о скитаниях, распрях,
победах Вэльсинга.

К месту он помянул
вероломство и месть,

к месту – верность
племянника, Фителы,

в ратном деле
неразлучимого

880

с дядей: рядом
во всякой сече

были оба,
рубилась конь о конь

их мечами
несчетное множество

на чуже нежити
было посечено.

Слава Сигмунда
немало выросла

885

после смерти его:
разнесла молва,

как с драконом
– кладохранителем

он сходилась,
бесстрашный в сражении,

под утесами темными
(там без Фителы

сын достойного
ратоборствовал),

890

и ему посчастливилось:
остролезвый клинок,

благородный меч
поразил змеечудище,

пригвоздил к скале,
и дракон издох;

тут по праву сокровищем
завладел герой,

воздаяньем за труд
было золото:

895

он на грудь ладьи
драгоценный груз

возложил и увез,
Вельса доблестный сын;

а драконова плоть
сгибла в пламени. [54]

И пошла по земле
молва о нем,

широко средь народов
стал известен он,

900

покровитель воинства,
добродейтель.

А допрежде того Херемод [55]
растерял храброту,

мощь души и рук,
и подпал под власть

адской силы, [56]
и был погублен

злолукавым врагом,
– сокрушили его

905

бури бедствий
– стал он бременем

для дружины своей
и для подданных;

и скорбели тогда
о судьбе его

многомудрые мужи,
прежде чаявшие,

что сумеет он
упасти их от бед;

910

часто сетовали,
что наследовал

сын отца своего,
власть державную

над казной и дружиной,
над людьми и селеньями,

в землях Скильдингов.
И сказал певец:

полюбился нам
больше Беовульф,

915

родич Хигелака,
чем неправедный Херемод!

По кремнистым дорогам
гнали всадники

коней взапуски.
Солнце утренницы

воссияло с небес. [57]
Диву давшиеся

поспешали старейшины
храбромыслые

920

в крутоверхий зал.
Досточестный сам

вышел конунг,
увенчанный славой,

из покоев жены,
и дружина с ним,

и супруга его,
с ней прислужницы

шли толпой во дворец
к ранней трапезе.

925

Хродгар молвил,
став на пороге,

когда увидел,
под златослепящей

кровлей хоромины
лапу Гренделя:

«За это зрелище
хвалу Всевышнему

воздать я должен!
Во мрак страданий

930

был ввергнут я Гренделем,
но Бог от века

на чудо – чудо
творит, Преславный!

Еще недавно
я и не думал

найти спасителя
среди героев,

сюда сходящихся,
в мой дом, что доверху,

935

до самой кровли
был залит кровью;

из тех прославленных
мужей премудрых

никто не чаял
мой дом избавить,

жилъе людское,
от злого призрака,

от адской пагубы.
Но вот он, витязь,

940

по воле Создателя
то совершивший,

чего не умели,
вместе собравшись,

мы, хитромыслые!
Мать, подарившая

людям воина,
может гордиться

(родитель добрая
жива, надеюсь!)

945

Судьба-владычица
ей подарила

сына достойного!
Тебя же, Беовульф,

из лучших избранный,
в душе полюбил я,

как чадо кровное,
– и стал ты отныне мне

названным сыном.

Ни в чем отказа

950

в моих владениях
тебе не будет!

Не раз я, бывало,
за меньшие службы

не столь достойных
казной одаривал,

не столь отважных,
как ты, подвигшийся

на небывалый труд.
Ты сам стяжал себе

955

все вечную славу!
И да воздаст Создатель

тебе, как ныне,
во все дни жизни!»

Ответил Беовульф,
сын Эггтеова:

«Работе ратной
мы были рады [58]

и шли без робости,
презрев опасность,

960

на встречу с недругом;
но было бы лучше,

когда бы ты мог
врага убитого

во всей красе его
здесь видеть:

я, право, думал,
что тут же брошу

его, изнемогшего,
на смертное ложе,

965

что, крепко стиснутый
в моих объятьях,

он дух испустит;
ему, однако,

достало силы
отсюда вырваться;

Судьба не дала мне

сдержатъ бегущего

жизнекрушителя
– он стал воистину

970

резв от страха!
И скрылось чудище,

оставив лапу
ради спасенья

плечо с предплечьем;
ныне, однако,

ничто проклятого
спасти не может,

не заживется
в поганом теле

975

душа нечистая:
теперь злочинный,

отягченный грехами,
бьется в оковах

предсмертной муки;
он, тьмой порожденный,

скоро узнает,
какую кару

ему уготовила
Судьба-владычица!»

980

Унферт притихший
молчал, сын Эгглафа, [59]

не похвалялся
своими подвигами,

пока старейшины
дивились жуткой

руке чудовища,
что под стропилами

герой подвесил
– на каждом пальце

985

огромной лапы
воителя адского

железный был коготь,
острое жало

мечеподобное;

теперь мы видим,

– они говорили,
– что даже лучший

клинок на свете
не смог бы сравниться

990

с когтистой лапой
человекоубийцы.

И было повелено
ухитить Хеорот;

спешила челядь,
мужчины и женщины,

прибрать хоромы,
украсить к трапезе

гостеприимный зал,
где златовышитые

995

на стенах ткани
и дивные вещи

ласкали зренья
землерожденным.

Но все же стены,
скобами железными

прочны скрепленные,
были побиты

и двери сорваны
– одна лишь кровля

1000

цела осталась,
когда, собравшись

с последними силами,
враг злосердый

на волю рвался.
Не властен смертный

спастись от смерти:
ему, гонимому

Судьбой, открыта
одна дорога

1005

в приют, готовый
принять земное

души вместилище

на ложе смерти,

где сон последний
— отдохновение

от буйного пиршества.
Настало время

явиться конунгу,
потомку Хальфдана,

1010

в хоромы править
праздничной трапезой;

и я не слышал,
чтоб в зал сходилось

когда-либо столько
мужей достойных, —

там достославные
расселись по лавам,

пир начиная.
Сновали чаши

1015

медовой браги
среди героев,

собравшихся в Хеорот,
среди соратников

и родичей конунга
в зале, где Хродгар

сидел и Хродульф, [60]
– еще не извели

распрей Скильдинги
междоусобиц и вероломства.

1020

Наследник Хальфдана
пожаловал Беовульфу

знак победный
– ратное знамя,

стяг златовышитый
и шлем с кольчугой;

многие видели
и меч знаменитый,

ему подаренный.
Беовульф поднял

1025

заздравную чашу:

дары такие

принять не стыдно
в глазах дружины;

и я немногих
встречал героев

в иных застольях,
кто был бы достоин

тех четырех
златозарных сокровищ!

1030

Сетью железной
по верху обвитый,

шишак тот служит
надежным кровом,

спасая голову
от остролезвого

меча, разящего
в жестокой сече,

когда воитель
идет на недругов.

1035

Еще, по воле
военачальника,

восемь коней
в роскошных сорях

ввели в палату:
была на первом

ратная упряжь,
седло, в котором

сидел, бывало,
сам сын Хальфдана, [61]

1040

дружиноводитель,
когда, вступая

в игру мечевую,
не знал он страха

над грудями трупов
под градом ударов.

Защитник Ингвинов, [62]
желая ратнику

удачи воинской,
отдал во вечное

1045

владенье Беовульфу
одежды боя

и коней резвых,
воздал ему конунг

добромогучий
за труд, воителю,

казной богатой
да скакунами

никто не скажет,
что плата нещедрая.

1050

И так же каждого
в той дружине,

которую Беовульф
привел из-за моря,

глава старейшин
в пиру приветил

дарами беспцепными;
и цену крови, [63]

пролитой Гренделем,
покрыл вождь золотом.

1055

Не будь Судьба их
вершима Богом,

не будь героя
доблестносердого,

убийца с радостью
избил бы многих!

Но род человеческий
ходит под Господом,

поэтому лучшее в людях
– мудрость,

1060

души прозорливость,
ибо немало

и зла и радостей
здесь уготовано

любому смертному
в дни его жизни.

Сливались музыка
и голос в песне

перед наследным
престолом Хальфдана;

1065

тронул струны
сказитель Хродгаров, [64]

дабы потешить
гостей в застолье

правдивым словом
песнопредания,

былью о битве
с сынами Финна,

как воину Хальфдана
Хнафу Скильдингу

1070

смерть суждена была
на поле фризском;

«Воистину, Хильдебург
тогда не радовалась [65]

ни доблести фризов,
ни мощи данов,

когда любимые
и сын и брат ее, [66]

оба пали
в противоборстве,

1075

проколоты копьями,
– жена несчастливая

свою оплакала
долю, дочь Хока,

когда наутро
она увидела

вождей дружинных
мертвых, лежащих

под небом, где прежде
лишь радости жизни

1080

она знавала.
Война истратила

войско Финна
– осталась горстка

в его хоромах,
– и он не смог бы,

подняв оружие
противу Хенгеста,

спасти последних
своих воителей;

1085

тогда, смирившись,
решил н данам

отдать половину
зала для трапез

и дома дружинного,
дабы жилищем

равно владели
даны и фризы;

еще обещался
наследник Фольквальда [67]

1090

дарами, как должно,
приветить данов:

дарить чтодневно
героям Хенгеста

пластины золота,
каменья и кольца,

а вместе и честь
воздавать им в застолье,

равно как и фризской
своей дружине.

1095

На том порешили,
и мир нерушимый

скрепили клятвой:
покаялся Хенгесту

Финн, что будут
его старейшины

править ратями
так, чтобы ратники

словом ли, делом,
по злomu ли умыслу

1100

согласья не рушили,
чтобы дружинники,

те, чья участь
по смерти конунга

жить под убийцей
кольцедарителя, [68]

ни слова злобы
не смели вымолвить;

если ж из фризов,
помянув старое,

1105

распря новую
кто посеет

меч без жалости
его жизнь решит!

Так зарок был дан.
И тогда на костер

золотые сокровища
вместе с воином,

с героем Скильдингом
были возложены: [69]

1110

люди видели
окровавленные

битв одежды
железотканые

с кабаном позолоченным
на груди вождя

среди многих воителей,
в сече сгибнувших.

По желанию Хильдебург
там, на ложе огня,

1115

рядом с Хнафом лежал
сын ее благородный,

дабы плоть его
вместе с дядиной

жар костровый истлил;
погребальный плач

затянула она, [70]
вой скорбящей жены,

и взметнулся дым,
в поднебесье огонь,

1120

пламя под облака:
кости плавилась,

кожа углилась,
раны лопались

и сочилась кровь.
Так пожрал дух костра,

пламя алчное,
лучших воинов

двух враждебных племен
– и не стало их.

1125

И спешила дружина,
рать скорбящая,

разойтись по домам
в ютских землях,

в пределах фризских;
сам же Хенгест,

доверясь клятве,
время зимнее

вредотворное
вместе с Финном провел,

1130

об отчизне печалуясь;
и закрылись пути

кольцегрудых ладей
– воды вспучились,

ветром взбитые,
а затем во льды

заковал их мороз.
Но пришла пора,

повернулся год
– чередой возвращаются

1135

времена с небес
(так и ныне!)

на земли смертных,
стоял зимний покров,

зеленели поля,
и сбирался в путь

гость с чужбины;
но чаще на мысли

приходила ему
не морская тропа,

1140

но кровавое мщение
– в новой схватке

он фризам попомнил бы
встречи прежние!

Потому не отверг он
Хунлафинга [71]

меч, возложенный
на колени его,

пламя битвы,
клинок прославленный

1145

(ютам памятно
это лезвие!),

от которого
Финн лютосердый

принял смерть в бою
во дворце своем.

Так случилось,
что Гудлаф с Ослафом,

с горькой вестью
к данам ходившие,

1150

возвратились из-за моря,
и сердца их исполнились

духом ярости
– кровь заструилась

в доме Финна,
и рать была выбита,

и жена его
стала пленницей.

Было Скильдингам
чем грузить ладьи

1155

драгоценностями,
самоцветами,

– всем, что в доме,
в хоромах Финна,

отыскать смогли;
и жену благородную

возвратили они
из заморья в отечество,

в землю датскую!»
Так закончил

1160

сказитель песню;
пир продолжился

за медовым столом,
и вино – дивных бочек сокровище

разносил виночерпий.
Златовенчанная

вышла Вальхтеов
в зал, где конунг

сидел с племянником
(не порвались еще

1165

узы кровные),
а в стопах у владетельных Скильдингов

сел вития
Унферт, признанный

меж людьми
многодобрестным,

хоть и был он убийцей
кровных братьев своих.

И промолвила Вальхтеов:
«Господин мой,

1170

испей эту чашу,
о даритель сокровищ,

да возрадуешься
ты, друг воинов!

Слово доброе
молви гаутам,

будь с гостями
не скуп, но равно

дари и ближних,
приветъ и дальних!

1175

Назвал ты сыном,
так я слыхала,

героя-гаута,
который ныне

очистил Хеорот
кольцесверкающий, —

так будь же щедрым,
покуда можешь! —

когда же срок твой
придет, оставишь

1180

своим сородичам
казну и земли!

А добрый мой Хродульф [72]
поддержит славу

юной дружины,
коль скоро прежде,

чем он, о Скильдинг,
ты жизнь покинешь;

сторицей, надеюсь,
воздаст он нашим

1185

детям за прежнее:
был сиротой он,

его мы вскормили
и мы возвысили

нам на радость,
ему во славу!»

Затем повернулась
к скамье, где братья,

Хредрик и Хродмунд,
сыны ее кровные,

1190

сидели средь юных,
а между ними —

герой гаутский,
воитель Беовульф.

Ласковым словом,
чашей медовой

был он привечен,
а также пожалован

двумя запястьями
златовитыми

1195

да украшением
— кольцом ошейным,

какого в жизни
я и не видывал,

и кто из героев
владел, не знаю,

подобным сокровищем,
кроме Хамы, [73]

который, в дом свой
внеся ларец

1200

с ожерельем Бросинга,
бежал от гнева

Эорменрика
под руку Предвечного. [74]

Гаутский Хигелак,
внук Свертинга, [75]

тем даром Вальхтеов,
кольцом был украшен

в последней битве, [76]
где защищал он

1205

свою добычу,
стоя под стягом, —

войнолюбивца
Судьба настигла

в пределах фризских:
надев на шею

то украшение,
пришел за море

дружиноначальник,

но пал под щитами,

1210

и с телом вместе
убор нагрудный

достался франкам,
и это сокровище

также стало
поживой слабейших [77]

врагов на поле,
где многих гаутов

смерть похитила.
Под клики застольные

1215

молвила Вальхтеов,
стоя меж воинов:

«Владей, о Беовульф,
себе на радость,

воитель сильный,
дарами нашими —

кольцом и запястьями,
и пусть сопутствует

тебе удача!
Гордись же, воин,

1220

славой и мощью
и будь наставником

этих юных.
Не я прославляю —

ты сам прославил
себя среди смертных

вовек и повсюду,
вплоть до границы

суши и моря!
Будь же, воитель,

1225

благоуспешен!
Живи безбедно!

И я надеюсь,
ты станешь другом

сынам моим кровным,
о многорадостный!

Конунгу предан [78]

каждый наш ратник,

верен другу
и кроток духом;

1230

старейшины дружны;
слуги покорны;

хмельные воины
мне повинуются!»

Воссела гордая!
Великолепен был

пир-винопитие;
и не предвидели,

не знали витязи
Судьбы злосмертной,

1235

им уготованной,
когда под вечер

Хродгар на отдых
в покои конунга

ушел, оставив,
как должно, в зале,

в чертоге, стражу,
дозор дружинный.

Служили им ложами
и подголовьями

1240

скамьи дощатые [79]
(Роком отмечен

был между ними
один брагопийца [80]);

щиты широкие,
блестя, стояли

у них в изголовьях;
на лавах виднелись

высокие шлемы;
и меч отменный

1245

у каждого воина
был под рукою,

и сбруя кольчатая.
Таков обычай

у них, всечасно

ГОТОВЫХ К СЕЧЕ:

и в дальнем походе,
и в доме отчем —

везде, где опасность
грозит владыке,

1250

стоит на страже
дружина добрая!

Они уснули.
Из них единый

за сон расплатился,
как то и прежде

случалось в доме,
где долго злочинствовал

Грендель, покуда
казнь по заслугам

1255

его не настигла,
но скоро люди

о том узнали,
что недруг по смерти

оставил мстителя
за кровь, пролитую

в том сражении.
Выла над сыном

родитель Гренделя [81]
– женочудовище,

1260

жившее в море,
в холодных водах,

в мрачной пучине,
с тех пор как Каин

мечом зарезал
отцово чадо,

кровного брата,
а сам, заклеянный,

утратив радости
рода людского,

1265

бежал в пустыню
и там породил

многих проклятых

существ, подобных

Гренделю-волку,
ходившему в Хеорот

где с ним и встретился
ратник сильный,

жаждавший мощью
с мерзким помериться,

1270

благо от Бога
дан человеку

дар многославный
– сила и храбрость;

там, уповая
на волю Господа,

воин сразился
и твари адской

воздал, как должно,
– с позором сгинул

1275

лишенный счастья
враг земнородных

в болотное логово.
Но мать страшилища,

тварь зломрачная,
решила кровью

взыскать с виновных, [82]
отмстить за сына:

явилась в Хеорот,
где войско датское

1280

дремало в зале,
и новые скорби

и страхи прежние
сулила людям

родитель Гренделя.
(И все же не слишком

страшна врагиня
– не так ведь могуча

жена в сражении, [83]
как муж, подъявший

1285

молотокованый,

кровью запятнанный

меч остролезвый,
дабы с размаху

разбить на вражьем
шеломе вепря [84] .)

Щитов достаточно
нашлось в чертоге,

клинки засверкали
в руках у воинов

1290

(лишь тот, застигнутый
врасплох, спросонок

не вспомнил о шлеме,
о мече и кольчуге);

тогда от дружины
она бежала,

уйти поспешила,
жизнь упасая,

но все же успела
похитить сонного

1295

схватила ратника
и скрылась в топях.

Она сгубила
любимца Хродгара,

слугу вернейшего
из всех старейшин

земель междуморских,
достойного мужа,

храброго в битвах.
(Тем временем Беовульф

1300

спал после праздника
златодарения

в дальних палатах,
гаут всеславный. [85])

Крики в хоромах;
она похитила

руку Гренделя,
и вновь злосчастье

вернулось в Хеорот:
выпал жребий

1305

гаутам с данами
дань выплачивать

кровью родичей.
Многострадального

старца-правителя
скорбь сокрушила,

когда он услышал,
что умер лучший

из благороднейших
его соратников.

1310

Тогда поспешно
к нему был призван

победный Беовульф,
и рано поутру

военачальник
со всем отрядом

своих сородичей
к вождю явился,

дабы услышать,
какими благами

1315

воздал Создатель
за прежние муки.

Шагал по плитам
прославленный в битвах

и с ним дружина
(дрожали стены)

навстречу мудрому
старцу-конунгу;

владыку Ингвинов
спросил он, приветствуя, [86]

1320

счастливо ль минула
ночь прошедшая.

Хродгар промолвил,
защита Скильдингов:

«Речь не о счастье!
– Вновь посетили

датчан печали:
мертв Эскхере, [87]

первый из братьев
в роду Ирменлафов,

1325

мудрый старейшина,
столп совета,

с кем мы конь о конь
скакали в сечах,

прикрыв друг друга,
рубил вепрей

на вражьи шлемах,
– да будет примером

каждому ратнику
слава Эскхере.

1330

Тварью грозной,
забрешей в Хеорот,

был убит он,
и я не знаю,

с поживой, жадная,
куда бежала,

в какое место.
На месть возмездием

она ответила,
на бой полночный,

1335

в котором с Гренделем
ты сквитался,

воздав за гибель
и долгострадание

народа нашего,
— недруг страшный

лишился жизни;
теперь явилась

ему на смену
эта зломысляя

1340

кровью выместить
смерть сыновнюю, —

так полагает
любой из героев,

скорбящих в сердце
о верном соратнике.

Смотри! Вот Эскхере
рука, что щедро

деяния добрые
для всех творила!

1345

Я слышал – старейшины
мне поведовали,

также и люди,
окрест живущие,

что им случалось
видеть воочию

двух на пустоши
воров крадущихся,

существ кромешных,
и будто бы первой —

1350

так им казалось
– тварь выступала

в обличий женском,
а следом – поганый

шел отверженец
тропой изгнанников,

муж, что огромней
любого смертного,

– народ издревле
нарек его Гренделем,

1355

но кем зачат он,
и чьи они чада,

и кто был их предком
из темных духов,

и где их жилище
– люди не знают;

по волчьим скалам, [88]
по обветренным кручам,

в тумане болотном
их путь неведом,

1360

и там, где стремнина
гремит в утесах,

поток подземный,
и там, где, излившись,

он топь образует
на низких землях;

сплетает корни
заиндевела

темная чаща
над теми трясинами,

1365

где по ночам
объявляется чудо

огни болотные;
и даже мудрому

тот путь заказан;
порой бывает,

что житель пустошей,
гонимый сворой,

олень гордорогий,
спасая голову,

1370

стремится к лесу,
но, став на опушке,

он жизнь скорее
отдаст охотнику,

нежели ступит
в темные чащи,

страшное место! —
когда же буря

тлетворным ветром
дышит над водами,

1375

вздымаются волны,
мрачнеет воздух,

небо плачет.
И вновь на тебя лишь

мы уповаем!
Подвигнись на поиск,

если отважен,
найди злотворящую

в землях неведомых,
в краю незнаемом!

1380

Я же за службу
воздам, как прежде,

древним золотом
кольцесокровищниц,

коль скоро с победой
в живых вернешься!»

Беовульф молвил,
потомок Эггтеова:

«Мудрый! не стоит
печалиться! – должно

1385

мстить за друзей,
а не плакать бесплодно! [89]

Каждого смертного
ждет кончина!

пусть же, кто может,
вживе заслужит

вечную славу!
Ибо для воина

лучшая плата —
память достойная!

1390

Встань же, державный!
Не время медлить!

Пойдем по следу,
и мать Гренделя

не сможет скрыться —
вот мое слово! —

ни на пустоши,
ни в чащобе,

ни в пучине, —
нет ей спасения!

1395

Ты же нынче
скорбящее сердце

скрепи надеждой,
ибо я знаю твоё желанье!»

Старец воспрянул;
благословил он

Бога за речи
храброго мужа.

Был скоро для Хродгара
конь оседлан,

1400

скакун волногривый.
Правитель мудрый

ехал, державный,
и с ним дружина,

его щитоносцы.
Ног отпечатки,

тропа тореная
вела по равнине,

путь указуя
в лесную чащу,

1405

к Сумрачным топям
(лучшего витязя

мертвое тело
там волокля она,

друга Хродгара
и его соправителя).

Дальше направились
высокородные

к скалам гранитным,
к теснинам темным,

1410

где меж утесов
стези кремнистые

шли над ущельем,
кишащим нечистью;

вождь – впереди,
а старейшины ехали

сзади, дабы
не сбиться со следа,

– вдруг перед ними
явились кручи,

1415

склоны, поросшие
мрачным лесом,

камни замшелые,
а ниже – волны,

кипящие кровью.
Горько оплакивали

скорбные даны
долю Скильдингов,

горький жребий,
судьбу героя,

1420

когда сыскали
меж валунами

на побережье
голову Эскхере.

Видели воины,
как омут вспенивался

горячей кровью
(рог боевую

пел погудку);
спешившись, конники

1425

тут же приметили
червоподобных

подводных чудищ,
игравших в зыбях,

лежавших на отмели,
морских драконов

из тех, что часто
в час предрассветный

парусу путь
преграждают в море,

1430

ища поживы;
хлынула нечисть

прочь, злобесная,
едва слышала

звуки рога;
тут воин гаутский

стрелой из лука
пресек на водах

жизнь пучеглазого [90] —
прямо в сердце

1435

вошло стрекало, —
и змей, влекомый

потоком в море,
смертельно раненный,

все тише бился;
кабаньими копьями,

крюками острыми
его забагрили

и скоро вытянули
на сушу диковинного

1440

волноскитальца,
выходца бездны.

Беовульф к бою,
страха не знающий,

надел кольчугу,
доспех, сплетенный

руками искусников,
наряд, который

должен был в бездне
служить дружиннику,

1445

ратнику нужен
покров нагрудный,

хранящий в сечах
мечедробящих

сердце от раны,
жизнь от смерти;

и шлем сверкающий
нужен воину

в бучиле темных
водоворотов,

1450

кров надежный,
увитый сетью

и золоченым
вепрем увенчанный

(так он умельцем
лет незапамятных

был выкован дивно,
что ни единый

удар в сражении
ему не страшен).

1455

Также герою
стало подспорьем

то, что вручил ему
вития Хродгаров:

меч с рукоятью,
старинный Хрунтинг, [91]

лучший из славных
клинков наследных

(были на лезвии,
в крови закаленном,

1460

зельем вытравлены
узорные змеи);

в руке героя,
ступить решившегося

на путь опасный,
на вражью землю,

тот меч не дрогнет —
не раз бывал он,

клинок остренький,
в работе ратной.

1465

Теперь, отдавая
оружие воину,

его сильнейшему,
не хвастал сын Эгглафа

своей могучестью,
как прежде случилось,

когда упился он
брагой на пиршестве, —

не он ведь решился,

жизнью рискуя,

1470

на подвиг в пучине,
чем честь и славу

свою поущербил!
Но не таков был

герой, надевший
одежды битвы.

И молвил Беовульф
сын Эггтеова:

«Славный! припомни,
наследник Хальфдана,

1475

теперь, даритель,
когда я в битву

иду, о всемудрый,
что мне обещано:

коль скоро, конунг,
я жизнь утрачу,

тебя спасая,
ты не откажешься

от слова чести,
от долга отчего,

1480

и будешь защитой
моим сподвижникам,

дружине верной,
коль скоро я сгибну;

а все сокровища
твои, о Хродгар,

дары, за море
послать должно Хигелаку —

пусть он узнает,
гаут державный,

1485

поймет сын Хределя, [92]
взглянувши на золото,

что встретил я
щедрого кольцедарителя

и этим богатством
владел до срока;

а меч мой наследный

отдайте Унферту —

пускай муж сильный
моим владеет

1490

клинком каленым.
Я же стяжаю

победу Хрунтингом
или погибну!»

Завет измолвив,
не стал ждать ответа,

но прянул прямо
в бурлящие хляби

вождь гаутский —
морские воды

1495

над ним сомкнулись.
Ко дну он канул

(был переходу
дневному равен

путь через бездну),
а там злобесная,

вод владычица,
бурь хозяйка

встретила, лютая,
героя, дерзнувшего

1500

проникнуть сверху
в ее пределы;

и, выпустив когти,
в охапку воина

она схватила,
но был в кольчуге,

в наряде ратном
неуязвим он —

не по зубам ей,
кровавогубой,

1505

сбруя железная,
сеть нагрудника, —

и потащила
пучин волчица

кольцевладельца

в свой дом подводный,

и зря он пытался,
страха не знающий,

достать врагиню,
его влекущую,

1510

мечом ужалить;
морские чудища,

клыками лязгая,
грызли железо.

Так в скором времени
он оказался

в неведомом зале,
который кровлей

был отмежеван
от вод прожорливых,

1515

от бездн холодных,
чертог обширный;

и там при свете
огня [93] , в сиянье

лучистого пламени
пред ним предстала

пучин волчица,
женочудовище.

Тогда он с размаху,
сплеча обрушил

1520

железо тяжкое —
запело лезвие

о голову чудища
погудку бранную,

но тут же понял он,
что луч сражений [94]

над ней не властен,
ее не ранит

меч остролезвый,
он бесполезен

1525

здесь, в этой битве,
шлемодробитель,

издревле слывающий

острейшим в сечах,

всесокрушающий —
впервые слава

меча лучистого
тогда помрачилась!

Но тверд был духом
и помнил о славе

1530

вершитель подвигов,
родич Хигелака:

он прочь отбросил
искуснокованый,

наземь кинул
клинок свой бесценный,

и сам, разгневанный,
себе доверился,

мощи рук своих.
(Так врукопашную

1535

должно воителю
идти, дабы славу

стяжать всевечную,
не заботясь о жизни!)

Не утрашился
гаутский витязь:

схватил за плечи
родитель Гренделя

и, гневом кипящий,
швырнул врагиню,

1540

тварь смертоносную
метнул на землю;

она ж немедля
ему ответила:

в него кровавыми
впилась когтями

и тут, уставший,
он остутился,

муж могучий,
он рухнул наземь.

1545

Уже, пришельцу

на грудь усевшись,

она готовилась
ножом широким

воздать за сына;
но были доспехом

покрыты прочным
плечи героя,

была кольчуга
ножу преградой,

1550

и сгинул бы воин,
потомок Эггтеова,

вождь гаутский,
в водной пучине,

когда б не спасла его
сбруя ратная,

сеть боевая,
когда б Всевышний.

Правитель Славы,
его покинул;

1555

но Бог справедливо
судил – и витязь

воспрянул, ратник
сильный, как прежде.

Тогда он увидел
среди сокровищ

орудие славное,
меч победный,

во многих битвах
он был испытан,

1560

клинок – наследие
древних гигантов;

несоразмерный,
он был для смертного

излишне тяжек
в игре сражений,

но ухватился
герой за черен,

посланец Скильдинга,
страха не знающий,

1565

сплеча ударил
и снес ей голову, —

шею рассекши,
разбив хребтину,

пронзило лезвие
плоть зломерзостную;

тварь издохла;
клинок окровавился,

герой возрадовался! [95]
И тут победный

1570

меч изнутри
озарился светом

так ранним утром
горит на тверди

свеча небесная.
Вдоль стен по залу

прошел воитель,
кипящий яростью

дружинник Хигелака,
держа оружие

1575

наизготове, —
тот меч герою

еще был нужен! —
воздать он задумал,

как должно, Гренделю
за то, что чудовищный

ходил еженощно
войной на данов

и не единожды,
но многократно

1580

крал из Хеорота
родичей Хродгара,

спящих дружинников
губил без жалости —

пятнадцать сожрал он
мужей датских,

без счета прочих
ему досталось

людей в поживу;
за те злодейства

1585

он поплатился! —
сыскал отмститель

труп Гренделя в зале,
плоть изувеченную, —

таким, спасаясь,
бежал враг из Хеорота,

с места схватки;
далеко отпрянула

мертвая туша,
когда от тулова

1590

отъяло лезвие
огромную голову.

Тогда-то ратники
из дружины Хродгара,

на страже ставшие,
дозором над заводью,

увидели воины,
как воды вспучились,

покрылись зыби
кровавой пеной; [96]

1595

тогда же старцы
седоголовые

совет держали,
решили мудрейшие,

что не вернется
дерзкий воитель,

вновь не явится
перед владыкой:

победу празднует —
так рассудили

1600

пучин волчица;
и в час девятый

всеславный Скильдинг,
златодаритель,

ушел с дружиной
домой, а на взморье

одня остались
гауты, гости,

скорбели и ждали
и не надеялись

1605

в живых увидеть
вождя любимого.

И тут меч, смоченный
в крови зломерзких,

клинок, как ледышка,
в руках стал таять —

то было чудо:
железо плавилось,

подобно льдинам,
когда оковы

1610

зимы на море
крушит Создатель,

Судеб Владыка,
Повелитель Времени.

Из всех сокровищ,
какие видел

гаутский воин
в подводном доме,

лишь вражью голову
да еще самоцветный

1615

взял чудо-черен,
меча огарок

(истлила лезвие,
сожгла железо

кровь ядовитая
врагов человеческих);

и в путь обратный
он, невредимый

чудищеборец,
пустился в пучинах;

1620

и были чисты
бурные воды,

пустынны хляби,
где прежде властила

тварь злотворная,
в схватке сгибнувшая.

Добродоблестный
к спасительной суше

выплыл воин
и вынес на берег

1625

добычу победы,
дань битвы;

а там уж встретила
вождя дружина,

Господу в радости
благодарствующая

за спасение витязя,
в живых возвращенного;

и от бремени шлема
свободили его,

1630

от нагрудника тяжкого;
и тогда успокоились

воды в том омуте
окровавленном.

От скал приморских
тропой знакомой,

дорогой хоженной
шли дружинники,

в сердце радуясь,
и несли с побережия

1635

неподъемную
мертвую голову,

череп чудища,
отягчавший им

плечи, сильным,
всем по очереди,

– так, по четверо,
волокли с трудом

на древках копий
голову Гренделя

1640

к золотому чертогу;
все четырнадцать

выступали в ряд,
впереди же всех

по лугам шагал
вождь могучий,

из них сильнейший.
И явились в хоромину;

и направился он,
достолавный,

1645

отважный в битве,
предводитель их,

прямо к Хродгару,
к престолу конунга,

а за ним внесли
притороченную за волосы

к древкам ясеновым
голову Гренделя

в зал для пиршеств
на страх пирующим,

1650

и хозяйке-владычице
напоказ чудо-голову.

Молвил Беовульф,
отпрыск Эггтеова:

«Вот, гляди, тебе,
сын Хальфдана,

дань с морского дна,
владыка Скильдингов,

в знак победы
сюда принесли мы!

1655

То была не простая
служба ратная,

но подводная битва,
непосильный труд, —

шел на смерть я,
на верную гибель

в бурной бездне,
да Бог упас!

Острый Хрунтинг —
хотя и вправду

1660

меч отменный —
мне не сгодился,

но другое Создатель
дал мне орудие:

меч гигантов,
клинок светозарный,

там висел на стене —
так хранит Господь,

смертных в бедствии!
Этим лезвием,

1665

с помощью Божьей
удалось одолеть мне

вод владычицу;
но растаял клинок —

то железо расплавил
кровь горячая,

битвы испарина, —
мне ж достался

огарок – черен.
За датчан сполна

1670

я воздал
ярой нечисти

и клянусь, что отныне
ты с дружиной,

со старейшинами,
с домочадцами

сможешь в Хеороте
спать бестревожно,

ибо адские выходцы,
силы дьявольские,

1675

твои земли покинули,
конунг Скильдингов,

прежние скорби
не воротятся!»

И тогда золотую
рукоять меча,

исполинов наследье,
он вручил седовласому

старцу-воину,
и до веку владел

1680

вождь датчан
той диковиной —

после гибели
богопротивников,

после смерти зломерзких
сына и матери,

драгоценность
искусно выкованная

отошла во владение
к наилучшему

1685

на земле междуморской,
к достойнейшему

из дарителей золота,
к датскому конунгу.

Хродгар вымолвил
(он разглядывал

древний черен,
искусно чеканенный,

на котором означивалось,
как пресек потоп

1690

великаново семя
в водах неиссякаемых,

кара страшная! —
утопил Господь

род гигантов, [97]
богоотверженцев,

в хлябях яростных,
в мертвенных зыбях;

и сияли на золоте
руны ясные, [98]

1695

возвещавшие,
для кого и кем

этот змееукрашенный
меч был выкован

в те века незапамятные
вместе с череном,

рукоятью витой)
слово мудрое

сына Хальфдана
(все безмолвствовали)

1700

«Вождь, творящий
справедливый суд,

старец-землевластитель,
многое помнящий,

утверждает: рожден
этот воин

для славы всеземной!
Да! молва о тебе

в племенах человеческих
далеко разнесется,

1705

благороднейший друг мой Беовульф!
Мудромыслием, доблестью

ты стяжал теперь
нашу дружбу

и назван сыном;
ты же в будущем

над народом твоим
утвердишься (известно мне!)

добродетелями,
не как Херемод, [99]

1710

наследник Эггвелы,
что над Скильдингами

гордо властвовал
не во благо им,

но к гибели
племени датского.

Он, исполненный лютости,
домочадцев разил,

сотрапезников,
и покинул мир,

1715

вождь неправедный,
в одиночестве;

и хотя Творец
одарил его

всемогуществом
и возвысил его

над народами,
все равно в душе

жаждал он кроволития,
и не кольцами

1720

данов радовал,
но безрадостные

длил усобицы,
распри ратников

во владеньях своих.
Вот урок тебе,

мудрая притча,
слово старца,

вождя многозимнего:
то не чудо ли,

1725

что всеильный Господь
от щедрот своих

наделяет людей
властью и мудростью,

возвышает их, —
Бог, он всем вершит!

— он же в сердце
высокородного

поселяет страсть

любостяжания

1730

и возводит его
на наследный престол,

ставит сильного
над дружиной,

над селеньями
и над землями

столь обширными,
что немудрому мнится,

будто нет пределов
владеньям его;

1735

и богатство его возрастает,
и ни старость, ни хвори

не вредят ему,
беды и горести

не мрачат души,
и мечи врагов

не грозят ему,
ибо целый мир

под пятой у него.
Он же не ведает,

1740

что, покуда в нем
расцвела страсть

да гордыня росла,
в его сердце страж,

охранитель души.
задремал, почил,

сном пересиленный,
а губитель [100] уже

тайно лук натяг
и направил стрелу,

1745

от которой душа
под кольчугой не спрячется,

под железною броней, —
нет спасенья

от посланницы адских
вредотворных сил

станет мало

ему, ненасытному,

всех имений его,
станет он гневлив

1750

и на кольца скуп,
и, презрев Судьбу,

он отвергнется
от Бога благостного,

ниспославшего ему
власть и золото;

между тем к окончанью
жизнь клонится,

обращая в прах
тело бренное,

1755

плоть ветшающую;
а на смену отжившему

придет конунг,
на рать расточающий

все богатства предместника
щедрой рукой.

Берегись же и ты,
милый мой Беовульф,

этих помыслов пагубных,
но ступи на путь

1760

блага вечного
и гордыню, воитель,

укроти в себе,
ибо ныне

ты знатен мощью,
но кто знает, когда

меч ли, немочь ли
сокрушат тебя,

иль объятия пламени,
или пасть пучины,

1765

или взлет стрелы,
или взмах меча,

или время само —
только свет помрачится

в очах твоих,

и тебя, как всех,

воин доблестный,
смерть пересилит!

Пять десятков зим [101]
я под сводом небесным

1770

правил данами,
утверждая оружием

их могущество
в этом мире

между многих племен,
и тогда возомнил,

будто нет мне
под небом недруга.

Но пришла беда! —
разоренье и скорбь

1775

после радости! —
Грендель, выходец адский,

объявился, враг
в дом мой повадился!

И от злобы его
много я претерпел

мук и горестей;
но слава Господу

Небоправителю,
что продлил мои дни,

1780

дабы ныне
эту голову изъязвленную

я увидел воочию
после долготраданий моих!

Время! сядем за пир!
Винопитием

усладись, герой!
На восходе, завтра

я с тобой
разделю сокровища!»

1785

Слову мудрого радуясь,
воин гаутский

занял место

в застолье праздничном:

и дружине,
и стойкому в битвах

лучше прежней была
изобильная трапеза

приготовлена снова. [102]
Ночь шеломом

1790

накрыла бражников,
и дружина повстала:

сребровласого
старца Скильдинга

одолела дрема,
да и гауга сон,

щитобойца-воителя,
пересиливал,

и тогда повел
к месту отдыха

1795

гостя, воина,
издалека приплывшего,

истомленного ратника,
домочадец,

слуга, обиходивший
по обычаям древним

мореходов и путников
в этом доме.

Уснул доброхрабрый;
и дружина спала

1800

под высокою кровлей
зала златоукрашенного

А когда в небесах
ворон черный [103]

зарю возвестил,
солнце светлое

разметало мрак,
встали ратники,

меченосцы,
в путь изготовились,

1805

дабы вел их вождь

к водам, странников,

на корабль свой,
опытный кормчий.

И тогда повелел он
Хрунтинг вынести, [104]

остролезвое
железо славное,

и вернул сыну Эгглафа
с благодарностью,

1810

молвив так:
этот меч —

лучший в битве друг!
(и ни словом худым

о клинке не обмолвился
добросердый муж!)

а потом с нетерпением
рать снаряженная

дожидалась его,
поспешившего

1815

в золотые чертоги,
где предстал герой,

полюбившийся данам,
перед Хродгаром.

Молвил Беовульф,
сын Эггтеова:

«Ныне водим мы,
морестранники,

возвратиться
в державу Хигелака.

1820

Ты приветил нас,
дал нам пристанище,

был хозяином
щедрым и ласковым;

и коль скоро случится
мне на этой земле

ради дружбы твоей
сделать большее,

чем уже свершил,
о народоводитель,

1825

буду рад я
работе ратной;

и коль скоро за море
донесет молва,

что соседи
тебя тревожат,

как бывало уже,
угрожая набегам, —

я пошлю тебе войско
в тысячу воинов,

1830

рать на выручку,
ибо знаю, что Хигелак,

хоть и молод [105]
правитель гаутский,

он поможет мне
словом и делом, [106]

я, как должно, в сраженье
послужу тебе,

и добуду победу
с древом битвы в руках,

1835

и пополнию
твою дружину.

Если ж Хредрик, [107]
наследник державный,

к нам наведается,
в земли гаутские,

встретит он друзей, —
страны дальние

хороши для того,
кто и сам неплох!»

1840

Тут, ответствуя,
Хродгар промолвил:

«Слово это
вложил в твое сердце

сам всемудрый Бог,
ибо разума большего

в людях столь молодых
не встречал я!

Ты крепок телом,
сердцем праведен

1845

и в речах правдив!
Я же чаю,

что случай выпадет
сыну Хределя

от меча ли погибнуть,
от копья-стрелы,

от железа, болезни ли.
но любезный твой

вождь упокоится, —
ты же выживешь!

1850

и тогда-то уж гаутам
не сыскать среди знатных

достойнейшего,
кто бы лучше

управил державу, —
лишь бы сам ты

престол не отринул! [108]
А еще по душе,

милый Беовульф,
мне твое благомыслие,

1855

ибо ты учинил
в наших землях мир

и согласие
в гаутах с данами, —

и отныне меж нами
не бывать войне,

и усобицы прежние,
распри забудутся!

И покуда я властен
в державе моей,

1860

я сокровищниц не закрою —
пусть из края в край,

от друзей к друзьям,
лебединой дорогой [109]

по равнине волн
корабли кольцегрудые

перевозят дары!
Знаю я, мои подданные

должным образом,
добродетельным обычаем

1865

встретят недругов
и приветят друзей!»

Тут двенадцать даров
друг дружины,

сын Хальфдана,
поручил мореплавателю,

дабы эти сокровища
свез он родичам

в земли отчие
да скорей бы к нему возвращался;

1870

и тогда благородного
крепко обнял

владыка Скильдингов
на прощание,

лобызая воителя, —
и сбежала слеза

по щеке седовласого,
ибо старец,

гадая надвое,
не надеялся

1875

вновь увидеть
в своем чертоге

и услышать вождя,
так ему полюбившегося,

что не смог он сдержать
в сердце бурю слез;

и не раз потом
грустью наполнилась

грудь правителя —
вспоминался ему

1880

воин избранный.
Вышел Беовульф

из хором на луга,
славным радуясь

золотым дарам
(а уж конь морской

ждал хозяев,
корабль на якоре);

шли герои,
расхваливали

1885

подношения Хродгаровы:
он воистину

вождь безупречный —
только старость

его и осилила,
как и всякого смертного.

Шла дружина
мужей dospешных

к побережью, [110]
и сверкали на воинах

1890

сбруи ратные,
кольцекованные.

Страж прибрежный
следил с утеса,

как и прежде;
дивясь на воинство

потрясал он копьём,
не грозя, но приветствуя

вот идет на корабль свой
рать сверкающая,

1895

гордость гаутов!
И взошли они

на корму круто выгнутую,
нагрузили

ладью на отмели
и казною, и конями,

и припасами воинскими,
и дарами бесценными

из сокровищниц Хродгара
переполнили.

1900

Корабельного Беовульф
одарил караульщика

золоченым мечом,
дабы этим отличием,

древним лезвием,
страж гордился

в застольях бражных.
И отчалили корабельщики,

и отплыли, покинули
землю данов;

1905

взвился на мачте
парус, плащ морской,

к рее крепко привязанный,
древо моря

скользнуло по волнам —
и помчалось;

ни разу над водами
непопутного не было

ветра плователям,
и летел через хляби соленые

1910

прочно сбитый борт
по равнине бурь;

скалы гаутские
показались вблизи,

берег знаемый, —
быстро к пристани,

подгоняемый ветрами,
побежал корабль!

А уж там их
встречал дозорный

1915

страж, высматривавший
в океанской дали

возвращающихся
морестранников;

привязал он
широкореброго

вервью к берегу,
чтобы дерево плаваний

в хляби водные
не увлек отлив.

1920

Повелел тогда
людям Беовульф,

благо путь недалекий,
на плечах снести

золотую кладь
к дому Хигелака,

сына Хределя, —
на приморском холме

вождь с дружиной
сидел в хоромах.

1925

Был дворец тот обширен, [111]
владыка могуч,

а жена его, Хюгд,
и юна, и разумна,

и ласкова,
хоть и мало зим

провела она
в этом доме,

дочь Хереда,
наделяя без робости

1930

гаутских воинов
драгоценностями

от щедрот своих.
Ни гордыней, ни хитростью

не подобила Хюгд
Трюд-владычице, [112]

той, на чье лицо
заглядеться не осмеливался

ни единый
из лучших воителей,

1935

кроме конунга,
ибо каждый знал:

страшной каре
повинный подвергнется,

смертным узам,
и меч, не мешкая,

огласит над злосчастливым
приговор Судьбы —

и без жалости
смертоносное лезвие

1940

сокрушало жизнь.
Не к лицу то властительнице,

не пристало то женщине,
даже лучшей из жен,

прях согласья, [113]
по злобе, наветами

лишать жизни
мужей неповинных!

Родич Хемминга [114] , Оффа,
укротил ее;

1945

и за чашей медовой
люди сказывали,

что смирилась,
притихла злочинная

с той поры, как взял
юный вождь

деву златоукрашенную
в жены за море,

конунг Оффа
в свои чертоги,

1950

там по воле отцовской,
за желтыми водами,

зажила она,
с той поры добронравная,

многовластная
благоденствовала,

и была ей ниспослана
доля радостная,

и любил ее
вождь дружинный,

1955

герой досточестный,
из сынов земли

всеизвестнейший, —
так я слышал, —

от моря до моря
Оффа славился

и победами ратными,
и подарками щедрыми

копьеносцам-дружинникам,
и в державе своей

1960

мудровластием;
и таким же, как он,

был внук Гармунда,
родич Хемминга,

в битвах яростный Эомер,
покровитель воителей.

Предводитель шел,
и дружина за ним,

от приморских песков
по знакомой дороге,

1965

прочь от берега, —
светоч небесный,

солнце с полдня
тропу озаряло.

Ускоря шаг,
поспешала рать

ко дворцу, где сидел
юный конунг,

хранитель державы,
щедросердый вождь,

1970

победитель Онгентеова. [115]
Прежде них добежала

весть до Хигелака
о пришествии Беовульфа:

он вернулся
живой, невредимый

с бранных игрищ, —
уже приближается

ко дворцу друг щита,
к дому отчему!

1975

Тотчас было
владыкой поведено

во дворце чертог
приготовить для странников,

и воссели там
родич с родичем,

вождь с героем,
из похода вернувшимся,

и, как должно,
хозяина доброго

1980

витязь приветствовал.
Обходили стол

чаши с брагою:
честных ратников

медом потчевала,
мореходов,

дочь Хереда; [116]
тут же Хигелак,

в зале пиршественном,
их расспрашивал,

1985

ибо знать желал,
что морская рать,

что дружина гаутская
на чужбине изведала:

«Ты покинул нас,
родич Беовульф,

обуянный желанием
испытать себя

за солеными хлябями

битвой в Хеороте,

1990

что же было потом?
Спас ли Хродгара ты,

досточтимого конунга,
от напасти

всеземноизвестной?
Я не верил в успех,

сокрушался в душе
и, страшась твоих

дерзких замыслов,
друг возлюбленный,

1995

умолял не искать
встречи с чудищем, [117]

но понудить самих
южных данов

соперничать с Гренделем.
Слава Господу,

что хранил тебя
и вернул в живых!»

Молвил Беовульф,
отпрыск Эггтеова:

2000

«То известно
вождь мой Хигелак

многим людям,
нам повстречавшимся,

как я с Гренделем
переведался

в том чертоге,
в ночной хоромине,

в доме Скильдинга,
где бесчинствовал

2005

адский выходец,
– так воздал я ему,

что соотчичи Гренделя,
твари гнусные,

искони прозябающие
в прахе, проклятые,

никогда не похвалятся

этой битвой

и воплем заутренним!
Гостем Хродгара

2010

я вошел во дворец,
в зал для пиршеств,

где сын Хальфдана,
как услышал

мое прозвание,
удостоил меня

местом возле
престолонаследника.

Ликовала дружина —
в жизни я не видал

2015

большей радости
в бражном застолье;

там хозяйка державная,
миротворица,

не воссев еще
за веселый стол,

высылала в зал
юным дружинникам,

им на радость,
витое золото;

2020

подносила воителям
дочь Хродгара

чаши с медом,
и я услышал

имя – Фреавару; [118]
так ее называли,

пряху мира,
герои, одаренные

кубком дивноукрашенным.
Златоубранная

2025

эта дева обещана
сыну Фроды [119], счастливцу:

за благо счел
мудрый Скильдинг,

хранитель державы,

избежать войны,

выдав деву
замуж за недруга.

Только редко где
после гибели кольцедробителя

2030

опускаются копья,
смерть несущие, —

и невесте желанной
не упрочить согласия,

ибо вождь хадобардов
не возрадуется,

ни дружина,
ни его сородичи,

когда он войдет
с молодой женой

2035

в отчий дом — и увидит
гордых данов

посланников,
а на них златокованую

сбрую древнюю,
достояние хадобардское,

родовое оружие,
им служившее

до поры, пока
в мечевой игре

2040

не похищено было
вместе с воинами.

Там, за чашей медовой,
седой боец,

не забывший убитых
своих соратников,

он, печальный,
глядя сумрачно

на знакомый клинок,
станет сердце

2045

юного витязя
бередить да испытывать,

разжигая в нем

пламя кровомщения:

„Узнаешь ли ты, друг,
меч прославленный,

твоего отца
драгоценный клинок,

послуживший ему
в том сражении,

2050

где он пал,
шлемоносец-воитель,

в сече с данами,
где, разбив нашу рать, —

без отмщенья погибшую [120] , —
беспощадные Скильдинги

одержали верх?
А теперь в этом зале

сын убийцы сидит,
той добычей кичащийся,

2055

окровавленным лезвием,
тем наследьем,

что по праву
тебе причитается!“

И такими речами
распалает он воина,

подстрекает, покуда
за дела отца

сын не поплатится,
не падет окровавленный

2060

под ударами лезвия
дан-пришелец,

слуга Фреавару;
хадобард же спасется,

ибо знает он
все дороги

в краю отеческом.
И пойдет разлад:

клятвы нарушатся,
вспыхнет ярость

2065

в сердце Ингельда,

пыл воинственный,

а любовь к жене
охладеет в нем. [121]

Хадобардам
я не верил бы —

ни в их верность,
ни в дружбу с данами,

ни в согласие бессрочное!
А теперь пора, [122]

2070

о даритель сокровищ,
рассказать и о Гренделе;

я поведаю,
как сошлись мы

с ним врукопашную:
чуть запал за пригорки

самоцвет небес,
к нам ворвалось

злое чудище,
лютый недруг,

2075

в дружинный зал,
где мы стражу держали;

первым Хандскио
пал от рук его,

муж, Судьбою-владычицей
обреченный на смерть, —

и, припав к нему
мечезубым ртом,

Грендель мерзостный
соплеменника нашего

2080

разодрал в куски
и насытился человечиною;

но прожорливый
из чертога дружинного

не спешил бежать
сыроядец, вор

без поживы,
с пустой котомкой, —

и ко мне протянул он
руку грозную,

2085

лапу острокогтистую;
на груди у него

пребольшой висел
крепко сшитый мешок,

хитроумно сработанный
адской тварью,

кошель необъятный
из драконьих кож, —

и вот в ту мошну
он наморился

2090

затолкать и меня,
безоружного,

как и прочих, —
да попятился,

ибо в ярости
я встал на ноги!

Долго сказывать,
как я сквитывался

с людоедом, —
но этой битвой

2095

преумножил я,
о народоправитель,

славу нашего племени!
Враг успел бежать —

но не долго жить
оставалось ему,

ибо в Хеороте
он утратил

плечо с предплечьем, —
обессиленный

2100

в омут кинулся
адский выходец.

Нас на радости
Скильдинг державный

наградил золотыми пластинами
и несметной казной,

и воссели мы поутру
за веселый пир

пело воинство,
ликовала рать;

2105

сам же Скильдинг
седой, многоопытный

нам поведывал
о былых временах —

и словам его
арфа вторила,

сладкозвучное дерево, —
то он пел нам [123]

песни безрадостные,
то предания сказывал

2110

чудо-истинные,
властитель милостивый,

то с тоской вспоминал
годы минувшие,

силу юности,
сокрушенную временем, —

сердце старца
печалью наполнилось,

горькой скорбью
по невозвратимому.

2115

Так с утра
пировали мы,

пили брагу до вечера,
а когда над хороминой

тьма распростерлась,
мать Гренделя

вознамерилась
кровью выместить

смерть единственного
сына, павшего

2120

в схватке с гаутами;
и средь ночи

это женочудовище
погубило героя

неповинного —
жизнь покинул

старейшина ратный,
старый Эскхере, —

и не было поутру
тело мужа

2125

пламени предано,
и, оплавав сородича,

даны горестные
не могли на костер

возложить его,
ибо жертву свою

в горный водоворот
утащила врагиня

кроваворукая.
То для Хродгара,

2130

о народе пекущегося,
было скорбью,

горем великим;
стал он жизнью твоей

заклинать меня
вновь подвигнуться

на деяние воинское:
и для славы,

и ради награды
в хлябях ратовать.

2135

Там, на дне морском,
отыскал я

злоизвестную
вод владычицу,

и схватились мы с ней
один на один:

океан окровавился,
как в подводном чертоге

снес я чудо-мечом
голову чудищную,

2140

избежал я
когтей остролезвых

знать, иная
мне смерть начертана! —

и воздал мне вождь,
сын Хальфдана,

щедрой платой,
дарами несметными!

Не нарушил он
благочиния древнего,

2145

и ни в чем мне
отказа не было, —

был я взыскан
наследником Хальфдана,

награжден за труд
по желанию моему.

И теперь те сокровища
я тебе от души

подношу, господин мой,
ибо счастье ищу

2150

лишь в твоей благосклонности:
ты родня мне, —

один из немногих! —
добрый мой Хигелак!»

В дом внести повелел он
вепреглавый стяг,

шлем высокий,
кольчугу железную

и отменный меч;
молвил Беовульф:

2155

«Мне от мудрого старца,
от державного Хродгара,

был наказ такой:
чтобы в первую голову

я тебе поднес
это оружие

да сказал бы,
что конунг Херогар, [124]

властный Скильдинг,
владел до срока

2160

этим ратным нарядом,
но оставил его

не наследнику,
не любимому сыну

всхраброму Хероварду [125] , —
ты хозяин сокровища!»

А еще — так мне сказывали —
провели напоказ

через двор четырех
жеребцов гнедопегих

2165

все один к одному;
отдал он повелителю

и коней, и оружие
(так и должно дружиннику; [126])

не плести на соседей
сетей хитрости,

ни коварных ков,
козней душегубительных,

на соратников и сородичей!),
— предан Хигелаку

2170

был племянник его,
и пеклись они

друг о друге
во всяком деле!

И еще я слышал:
преподнес он Хюгд

шейный обруч,
подарок Вальхтеов, [127]

а в придачу – трех
тонконогих коней

2175

в ратной упряжи;
золотое кольцо

украшало с тех пор
шею владычицы.

Таковым оказался
сын Эггтеова, [128]

в битвах доблестный,
в делах добродетельный:

он в медовых застольях
не губил друзей,

2180

не имел на уме
злых намерений, —

воин, взысканный
промыслом Божиим

и под небом сильнейший
из сынов земли,

незлюбив был
и кроток сердцем.

Прежде гауты
презирали его и бесчестили,

2185

и на пиршествах
обходил его

вождь дружинный
своей благосклонностью,

ибо слабым казался он
и беспомощным,

бесполезным в бою;
но теперь он за прежнее

получил с лихвой
воздаяние!

2190

Конунг Хигелак
повелел внести

в зал дружинный
наследие Хределя [129]

златоблещущее —
тот, единственный

из гаутских мечей,
наилучшее лезвие, —

и отдал клинок
во владение Беовульф;у;

2195

и отрезал ему
семь тысяч земли [130]

вместе с домом,
с чертогом престольным,

сообща они правили,
сонаследники,

и дружиной и землями,
но державой владел

только конунг,
законный владыка.

2200

И случилось так
по прошествии лет,

что и Хигелак сгинул,
и Хардред

от меча погиб [131], —
под стеной щитов

пал наследник
дружиноводителя,

когда рать свою
вел в сражение

2205

против воинства
жестоких Скильвингов, [132]

сгинул в битве
племянник Херерика. [133]

И воспринял тогда
власть державную

конунг Беовульф:
пять десятков зим [134]

мудро правил он
мирным краем

2210 [135]

и состарился.
В те поры дракон,

змей, исчадь тьмы,
там явился, хранитель

клада, скрытого
в неприступных горах

среди каменных круч,
где дорога

человеку заказана;
лишь однажды

2215

к тем богатствам языческим
некий смертный

посмел проникнуть,
и покуда уставший

страж беспечно спал,
вор успел золоченую

чашу выкрасть,
умыкнуть из сокровищницы

драгоценный сосуд —
вот начало злосчастья

2220

вот причина
людских печалей!

Не от добра он
избрал опасную

тропу, дорогу
к норе драконьей,

но, нерадивый
слуга старейшины, [136]

он, провинившись,
бежал от кары,

2225

ища пристанища
в дальней пещере.

Беглец злосчастливый
незванным гостем

вошел под своды —
и страх и ужас

его обуяли,
но, вспять пустившись,

он, многогрешный,
успел, однако,

2230

из той сокровищницы
похитить чашу...

одну из множества
захороненных

в земле издревле.
В дни стародавние

последний отпрыск
великого рода,

гордый воитель,
чье племя сгнуло,

2235

сокрыл заботливо
в кладохранилище

сокровища родичей:
их всех до срока

смерть поразила,
и страж, единственный

их переживший,
дружину оплакивал,

в душе предчувствуя
ту же участь

2240

не долго он сможет
богатствам радоваться.

Курган возвысился,
свеженасыпанный

близ моря на мысе,
в укромном месте

между утесами;
и там сложил он

пластины золота,
казну дружинную

2245

и достоянье
кольцедарителя,

творя над кладом
заклятья великие: [137]

«Земля! отныне
храни драгоценности,

в тебе добытые,
коль скоро люди

хранить их не могут!

Смерть кроволитная,

2250

война истратила
моих родовичей;

не видеть им больше
чертога пиршественного,

не встанут воины
с мечами на страже,

некому ныне
лощить до блеска

чеканные кубки, —
ушли герои!

2255

и позолота
на гордых шлемах

скоро поблекнет —
уснули ратники,

что прежде чистили
железо сражений, —

и вместе с ними
доспехи крепкие,

предохранявшие
в игре копейной

2260

от жал каленых,
в земле истлеют —

кольчуга с витязем
не разлучится!

Не слышно арфы,
не вьется сокол [138]

в высоком зале,
и на дворе

не топчут кони, —
все похитила,

2265

всех истратила
смертная пагуба!»

Так в одиночестве
и днем и ночью,

живой, он оплакивал
племя сгинувшее,

покуда в сердце его

не хлынула

смерть потоком.
Клад незарытый

2270

стал достоянием
старого змея,

гада голого,
гладкочешуйного,

что над горами
парил во мраке

палящим облаком,
ужас вселяя

в людские души, —
ему предначертано

2275

стеречь языческих
могильников золото,

хотя и нет ему
в том прибýtка;

и триста зим он,
змей, бич земнородных,

берег сокровища,
в кургане сокрытые,

покуда грабитель
не разъярил его,

2280

вор дерзкий,
слуга, похитивший

из клада кубок.
дабы снискать себе

вины прощенье, —
так был злосчастным

курган ограблен;
слугу хозяин

за то помиловал,
ибо впервые

2285

он видел подобную
вещь издревнюю.

Дракон проснулся
и распалился,

чуждый учуяв

на камне запах:

не остерегся
грабитель ловкий —

слишком близко
подкрался к чудовищу.

2290

(Так часто случается:
кому не начертана

гибель, тот может
избегнуть горя,

спасенный Господом!)
Златохранитель

в подземном зале
искал пришельца,

в пещеру проникшего,
покуда спал он;

2295

потом и пустыню
вблизи кургана

змей всю исползал,
но ни единой

души не встретив,
он, ждущий битвы,

сражения жаждущий,
вернулся в пещеру

считать сокровища —
и там обнаружил,

2300

что смертный чашу
посмел похитить,

из зала золото!
Злоба копилась

в холмохранителе,
и ждал он до ночи,

горящий мщением
ревнитель клада,

огнем готовый
карать укравших

2305

чеканный кубок.
Едва дождавшись

вечерних сумерек,

червь огнекрылый

палящим облаком
взлетел с кургана —

тогда-то над краем
беда и грянула,

напасть великая,
а вскоре и конунг

2310

с жизнью расстался, [139]
нашел кончину.

Огонь извергая,
жизнекрушитель

зажег жилища;
пламя взметнулось,

пугая жителей,
и ни единого

не пощадила
тварь огнекрылая,

2315

и негде было
в стране обширной

от злобы змея,
от пагубы адской

гаутам скрыться,
когда безжалостный

палил их жаром;
лишь на рассвете

спешил он в пещеру
к своим сокровищам,

2320

а ночью снова
огнедыханием

людей обугливал.
(И все же напрасно

крепость курганную
он мнил неприступной!)

Внедолге и Беовульф
сам изведal

гибельность бедствия;
дом с престолом

2325

вождя гаутского

в потоках пламени

сгорел и расплавился; [140]
оплакал старец

сердопечальный
свое злосчастье;

и думал всемудрый,
что Бог гневится, [141]

Создатель карает
за то, что древние

2330

не блюл он заповеди,
и сердце воина

впервые исполнилось
недобрым предчувствием. [142]

Дом дружинный,
испеленный

палящим змеем,
дворец в пучинах

пожара канул,
но конунг ведеров

2335

ратолюбивый
замыслил мщенье,

и повелел он,
военачальник,

невиданный выковать
железоцельный

щит обширный,
ибо не выдержит

щит деревянный,
тесина ясеневая,

2340

жара пламени,
дыханья драконьего,

а вождь был должен
дни этой жизни

в битве окончить,
убив чудовище,

издревле хранившее
клад курганный!

Почел бесчестьем
кольцедаритель

2345

вести дружину,
рать многолюдную

на огнекрылого:
единоборства

он не страшился,
не веря ни в силу,

ни в отвагу змея.
Немало опасностей

герою выпало
в дальних походах,

2350

в грозных игрищах,
с тех пор как Хродгара

воитель странствующий
избавил от Гренделя,

очистил Хеорот
и женочудище

в битве осилил.
Не легче было

ему и в схватке,
где сгинул Хигелак, [143]

2355

войсководитель,
гаутский конунг:

в пылу сражения
на поле фризском

потомок Хределя
пал наземь,

мечами иссеченный,
но спасся Беовульф!

пловец искусный,
он вплавь через хляби

2360

один возвратился
и тридцать тяжких

вынес доспехов
на берег моря;

и не хвалились
победой хетвары, [144]

противуставшие
ему в сражении

щитоносители, —
из них немногие

2365

с поля вернулись,
домой из сечи.

С недоброй вестью
он, одинокий,

приплыл, сын Эггтеова,
к земле отеческой,

и Хюгд поклонилась
ему дружиной,

казной и престолом,
ибо не верила,

2370

что сын ее в силах
по смерти Хигелака

спасти державу
от ратей враждебных;

но тщетно в страхе
они, несчастные,

молили воителя
принять наследье

и править народом
помимо Хардредра,

2375

стать хозяином
в землях гаутских, —

однако, мудрый,
он не покинул

советом юного
владыку, покуда

мужал вождь ведеров.
Когда же явились

морескитальцы,
наследники Охтхере, [145]

2380

восставшие против
морского конунга

в державе Скильвингов,
сыны-изгнанники

пришли из Швеции
к гаутам, за море,

ища прибежища, —
тогда-то Хардред

гостеприимный
убит был Онелой

2385

наследник Хигелака,
приют им давший,

а сын Онгентеова,
убийца Хардредра,

бежав от гаутов,
в свой дом возвратился;

остался Беовульф
единовластным

вождем над ведерами,
то добрый был конунг!

2390

За смерть предместника
отмстил он, как должно,

в недолгом времени —
на помощь Эадгильсу,

вождю одинокому,
сыну Охтхере,

в знак дружбы он выслал
дружину за море,

рать и оружие;
и враг, застигнутый

2395

зимним походом, [146]
сгинул Онела.

Невзгоды многие
преодолевший,

несокрушимый
вершитель подвигов,

так дожил сын Эггтеова
до дня урочного,

и в час предначертанный
с драконом сведался.

2400

Владыка гаутов,
а с ним одиннадцать

его соратников
искали змея.

Первопричину
людских несчастий

и смертоубийства
вождь знал [147] , поскольку

слуга, положивший
к ногам хозяина

2405

ту чашу краденую,
был тринадцатым

в его отряде, —
виновник распри

и злополучия
не доброй волей,

но покорный приказу,
корчась от страха,

он вел дружину
к тому подземелью,

2410

к холму, что высился
близко от бурных

вод океана,
где кольца золота

тонко витые
хранил надменный

ревнитель, сторож
древнего клада,

в подземном логове, —
взять те сокровища

2415

сумел бы смертный
лишь ценой непомерной!

Златодаритель,
на холм взошедши,

воссел, дабы слово
промолвить гаутам,

проститься с ними:
он сердцем предчуял

соседство смерти,
Судьбы грядущей,

2420

уже готовой
старца приветить

и вместе с жизнью
изъять из тела

душу-сокровище. —
недолго будет

дух войнолюбый
томиться в плоти;

и молвил Беовульф,
потомок Эггтеова:

2425

«Перевидал я
немало с молодости

сеч и усобиц —
и все помню!

Семь зим мне было,
когда державный [148]

меня от родителей
взял владыка:

казна и пища
мне шли от Хределя,

2430

и воспитал меня
конунг, мой родич;

в его чертоге,
дитя чужое,

в глазах правителя
я был не хуже,

чем дети родные,
чем Хадкюн и Херебальд

и добрый мой Хигелак.
И так случилось,

2435

что младшего брата
свалил брат Хадкюн

на ложе смерти
стрелой, сорвавшейся

с упругого лука
в игре, на охоте

без злого умысла, —
братогубительству

была причиной
стрела неверная,

2440

поэтому Хредель
не мог по праву

воздать за сына
другому сыну —

без отомщения
остался Херебальд!

Так некий старец, [149]
увидевший кровного

чада тело
на дереве смерти

2445

в удавке пляшущее,
горько сетует,

слагает строфы
об отпрыске юном,

в петле висящем
на радость воронам,

а сам он, старый,
не властен исправить

участь детища;
зовет он поутру

2450

дитя ушедшее,
не чая дожидаться

другого наследника
богатствам и дому,

коль скоро единственному
сыну выпал

злосчастный случай,
смертный жребий;

войдет ли рыдающий
в покои отрока

2455

там запустенье,
гуляет ветер

в безрадостном зале, —
уснул наездник,

ратник в могиле! —
умолкли арфы,

и прежних пиршеств
не будет больше!

Выйдет ли скорбный,
один, стеная,

2460

дом и усадьба
ему покажутся

чрезмерно обширными!
Вот так же и в сердце

владыки ведеров
таилось горе:

убит был Херебальд,
но вождь был невластен

за смерть возмездием
воздать убийце,

2465

ведь и постылого
отец не в силах

сына подвергнуть
позорной казни!

Тогда он в душе своей
людские радости

отринул ради
света Господня:

селенья и земли
он, уходящий,

2470

как должен владелец,
оставил детям.

И были битвы,
ходили шведы

войной на гаутов,
морскими походами,

с тех пор, как умер
державный Хредель,

и до поры, пока
сыны Онгентеова

2475

войнолюбивые
не пожелали

мира на море,
но в дерзких набегах

с нами сходились
близ Хреоснаберга.

И многим известно,
как наше воинство

с ними сквиталось
за кроволития,

2480

хотя победа
была добыта

ценой крови
вождя гаутского, —

настигла Хадкюна
в той схватке гибель.

Но, как я слышал,
убийца конунга

убит был наутро,
воздал за родича

2485

родич Эвор,
встретив Онгентеова, —

шлем от удара
широко треснул,

пал наземь Скильвинг,
и меч не дрогнул

в руке гаутского
кровоотмстителя.

За все, что Хигелак
мне дал державный,

2490

за все достояние,
дом и земли,

ему платил я
клинком, сверкавшим

в работе ратной:
ни витязей шведских,

ни датских всадников,
ни войска гепидского [150]

к себе на выручку
не призывал он,

2495

казны не тратил
на слабых ратников, [151]

коль скоро я первым
вступал в сражения,

стяжая победы! —
и так да будет,

покуда жив я,
покуда мне верен

клинок испытанный,
не раз служивший

2500

моей отваге
с тех пор, как Дагхревна [152]

убил я, и хугский
вождь не вернулся

к владельцу фризов
вместе с добычей,

с тем драгоценным
кольцом ошейным,

но пал на поле
знаменоситель,

2505

дружинник храбрый,
сраженный не жалом, —

он так был стиснут
в моих объятьях,

что хрустнули кости.
И ныне да служат мне

меч и руки
в борьбе за сокровища!»

Слова последние,

клятву пред битвой

2510

измолвил Беовульф:
«Немало я с молодости

сеч перевидел,
и ныне снова,

защитник народа,
ищу я встретиться

с жизнекрушителем,
свершу возмездье,

коль скоро выползет
червь из пещеры!»

2515

Так он прощался
с ратью dospешной,

державный воин
с верной дружиной:

«Я без оружия,
без меча остролезвого

пошел бы на недруга,
когда бы ведал

иное средство,
убив заклЯтого,

2520

обет исполнить,
как то было с Гренделем;

пламя опасно,
и, чтобы укрыться

от ядовитого огнедыхания,
нужны мне доспехи

и щит железный.
Не уступлю я

пламевержителю
в битве ни шагу!

2525

и да свершится
суд справедливый

Судьбы-владычицы! —
не похвальба спасет,

но храбросердие
в борьбе с крылатым!

А вы дожидайтесь

вблизи кургана,

мужи доспешные
того, победного,

2530

из двух соперников,
кто упасется

от раны смертельной;
не вам сражаться,

но я – единственный,
кому по силам

тягаться с гадом,
с поганым в битве

мериться мощью!
Возьму добычу,

2535

богатства курганные,
либо гибель

в удел достанется
вашему конунгу!»

Встал щитоносец
в кольчуге, в шлеме,

воин гордый,
сил преисполненный

и добромужества,
путь свой направил

2540

к серым утесам,
– трус отступил бы!

но вождь, победивший
во многих схватках,

где рати враждебные
сшибались с грохотом,

шел, и вскоре
увидел в скалах

жерло, откуда
потоком жарким

2545

огонь изливался,
путь преграждая

в недра кургана:
никто не смог бы

пройти невредимым

в глубь подземелья,

проникнуть в пещеру
сквозь раскаленное

дыханье змея.
Тогда разъярился

2550

вождь ведеров:
воплъ неистовый

из горла вырвался,
гневное слово

громом грянуло
среди утесов;

и распалился
ревнитель клада,

заслышав клич, —
не мольбу о мире,

2555

но вызов на битву.
Сперва из пещеры

дыханье смрадное
червя курганного

взметнулось дымом —
скалы дрогнули.

Гаут державный,
щитом прикрывшись,

пред каменным устьем
стоял, покуда

2560

гад, извиваясь,
полз в потемках

к месту схватки;
и меч двуострый,

наследье древних,
сиял, подъятый,

в руках у конунга;
и оба сердца

равно кипели
и страхом и ненавистью.

2565

Держа наготове
свой щит спасительный,

стоял незыблемо

войсководитель

в наряде ратном,
а змей тем временем,

свиваясь в кольца,
лез из пещеры

судьбе навстречу.
Казалось ратнику,

2570

что щит, защитник
души и тела,

не так надежен,
как то хотелось бы

герою, коль скоро
впервые в жизни

Судьба не хранит его
в единоборстве, [153]

в победной битве.
Тогда на недруга

2575

воитель гаутский
мечом обрушился,

искуснокованым
наследьем конунгов,

но вкось по кости
скользнуло железо,

клинок по черепу,
не так, как нацелился

высокородный;
удар неловкий

2580

лишь раззадорил
холмозащитника:

он пыхнул пламенем —
далеко хлынул

пар ядовитый.
Правитель ведеров

не мог похвастаться
удачей в стычке:

не лучшим образом
ему служило

2585

лезвие славное. [154]

Нелегкую долю

избрал достойнейший
сын Эггтеова,

решившийся биться
с драконом насмерть, —

и суждено ему
в край далекий

уйти, покинув
юдоль земную,

2590

как и всякому смертному!
И снова, не медля,

сошлись противники;
но страж подземелья,

приободрившись,
приподнял голову,

и стал, полыхая
дыханьем смрадным,

огневержитель
теснить героя;

2595

и не нашлось
под рукой у конунга,

как должно в сражении,
благородного воинства [155] —

но в дальнюю рощу
спаслась дружина,

рать укрылась.
Из них лишь единый

смутился в сердце —
ибо изменником

2600

стать не может
муж доброчестный!

То Виглаф был, [156]
сородич Эльвхера,

сын Веохстана,
щитоноситель,

любимец Скильвингов.
Увидев на конунге

одежды битвы,
объятые пламенем,

2605

он вспомнил, какими
его приветил

дарами владыка,
вернувший Вагмундингам

наследные земли
и власть над племенем

его родителю.
И поднял Виглаф

щит желто-липовый
и меч, наследье

2610

потомка Охтхере,
скитальца Эанмунда,

который был в битве
убит, бездомный,

в сраженьи с Веохстаном,
взявшим в добычу

это оружие:
нагрудник кольчатый,

шлем железный
и меч отменный,

2615

подарок Онелы,
издревнее лезвие, —

одежды битвы,
орудие сечи,

наряд воителя
(однако Онела

за смерть племянника
не мстил убийце [157]);

тот меч хранился
и щит и кольчуга

2620

у Веохстана,
покуда не вырос

ему преемник,
дабы продолжить

славу отцовскую
среди гаутов, —

оставил старец,
покинув землю,

наследство сыну.
И вот впервые

2625

воина юного
призвал державный

делить с дружиной
удары битвы:

был духом он крепок,
а меч наследный

остро наточен, —
и скоро на деле

дракон изведал
его могучесть!

2630

Промолвил Виглаф
печальносердый,

уча соратников
дружинному долгу: [158]

«То время я помню,
когда в застолье

над чашей меда
клялись мы честью

служить исправно
кольцедробителю,

2635

нас одарившему
одеждой битвы,

мечами, кольчугами,
коли случится

нужда в подмоге!
Из многих воителей

себе в попутчики
избрал он лучших,

сильнейших героев —
копьеметателей,

2640

храбрейших кольчужников,
сочтя нас достойными

дела смелого,
хоть и замыслил

вождь дружинный
сам, в одиночку,

народоправитель,
свершить возмездие,

ибо не раз он
снискивал подвигами

2645

славу всеземную!
Но так случилось,

что ныне нуждается
вождь в отваге

своих сподвижников,
в силе воинства! —

так не пора ли
и нам изведать

огненной пагубы!
Бог свидетель,

2650

уж лучше мне в пламени
навек сгинуть,

владыку спасая,
чем ждать в укрытьи!

Бесчестно было бы
нам, щитоносцам,

вспять обратиться,
не испытавши

врага железом,
не встав на сторону

2655

правителя ведеров!
Не должным образом

вождю мы платим
за прежние милости,

коль скоро конунг,
покинутый гаутами,

гибнет в битве!
Да будет щит мой

и меч в сражении
ему подспорьем!»

2660

Туда поспешил он
сквозь чад ядовитый

к вождю на помощь
и так воскликнул: [159]

«Бейся, о Беовульф,
рубись без страха,

как ты поклялся
в дни твоей молодости!

Да не померкнет
до смерти слава

2665

и честь державная!
Ты, вождь всезнатный,

несокрушимый,
за жизнь сражайся

что силы достанет!
Я встану рядом!»

Тогда, услышав
тот клич героя,

огневержитель,
кипящий яростью,

2670

дохнул – и пламя
окутало воинов,

мужей доспешных:
ни сбруя кольчатая,

ни щит копьеносца
не защитили,

и сгинул бы юный,
сгорел бы витязь, —

но родича родич
державный, ратника,

2675

чей щит обуглился,
укрыл железной

доской от пламени, [160]
и, вспомнив о славе,

нацелил конунг
дракону в голову

удар сокрушительный.
Ярость умножила

силы мужа! —
но преломился

2680

каленный Нэглинг, [161]
меч Беовульфа,

старинное лезвие:
была воителю

дана такая
мощь, что в сечах

ему и лучший меч
был несподручен,

и, как я слышал,
в руках ратоборца

2685

любое лезвие,
железо остреное,

от мощных ударов
крошилось в сражении!

Тут, с третьего раза,
метнувшись на недруга,

червь огнедышащий,
бич смертных,

поверг на землю
вождя державного —

2690

клыки драконьи
вонзились острые,

ядоточащие
воителю в горло,

и кровь потоком
на грудь излилась!

Тогда, я слышал,
к нему на выручку

поспел дружинник:
он, знатный родом,

2695

известный мужеством,
силой и ловкостью,

в руке опаленной
клинок сжимая,

уцепил не в голову
гаду, но ниже

вонзил оружие,
ужалил в горло

змея зломерзкого —
вошло железо

2700

в плоть огненосную,
сникло пламя,

дыханье драконье;
и тут же конунг, [162]

едва очнувшись,
свой нож широкий,

владыка ведеров,
из ножен выхватил

и острым жалом
вспорол утробу

2705

огневержителя, —
сдохло чудище.

Так рано поутру
два ратника-родича

убили змея, —
да будут примером

они для воинов! —
но стал последним

тот бой победный,
работа ратная,

2710

в жизни конунга:
набухли раны,

следы драконьих
клыков на шее,

горя, смердели,
и грудь покрылась

глубокими язвами —
яд змеиный

въедался в тело.
Вождь мудромыслый

2715

под серыми скалами
сел на камень

вблизи кургана,
напротив жерла,

устья пещеры,
своды которой

на вековых
столпах покоились.

Лицо владыки
и грудь водою

2720

дружинник добрый
омыл из пригоршней

от крови, пролитой
героем в битве,

и снял с воителя
бремя шлема.

Промолвил Беовульф,
превозмогающий

смертную муку
(ему осталось,

2725

он чуял, мало
земного счастья;

силы иссякли;
пришли к пределу

дни его жизни,
и смерть приблизилась):

«Имей я сына,
ему я мог бы

оставить наследье,
мое оружие,

2730

наряд мой ратный,
тому, кто был бы

моим преемником!
Я пять десятков зим —

хранил державу,
и не единый

из сопредельных
племенодителей

не смел потревожить
меня дружиной,

2735

грозить мне набегом!
Я мирно властил

и ждал урочного
срока и жребия:

не жаждал распрей
и лживыми клятвами

не осквернялся,
чему сегодня,

смертельно раненный,
я радуюсь в сердце,

2740

ибо Создатель
не попрекнет меня

убийством родичей, —
так пусть же изыдет

душа из тела!
Спеши, о мой Виглаф,

сойди под землю,
в тайник курганный

под серыми скалами
(дракон, лишенный

2745

своих сокровищ,
лежит, недвижимый,

сраженный в сердце);
и я, увидев

казну издревнюю, [163]
насытив зренье

игрой самоцветов
и блеском золота,

возлягу рядом
и без печали

2750

жизнь покину
и власть земную».

Немедля, – так слышал я, —
по слову конунга,

по воле правителя,
в бою израненного,

сын Веохстана
сошел в пещеру,

воин в кольчуге,
в рубахе сетчатой;

2755

там, добродоблестный,
гордись добычей,

увидел множество
колец, камней,

груды золота
и самоцветов,

сосуды дивные,
древние вещи,

вдоль стен стоявшие
в жилище змея,

2760

чудные чаши
(канули в вечность

их обладатели!),
и шлемы ржавые

времен прошедших,
кольчуги траченные,

и уборы истлевшие
(таким богатством,

в земле сокрытым,
такой добычей

2765

мог бы гордиться
любой из смертных!);

и там же знамя,
стяг златотканый

на крепком древке
над россыпью золота

солнцегорящий.
искусно шитый

сиял, озаряя

чертог обширный,

2770

сокровищ вместилище,
жилище змея,

который сгинул,
мечом пораженный.

Тогда, – так я слышал, —
сложил дружинник

богатство курганное,
казну гигантов

в мешок, в кольчугу,
сосуды, чаши.

2775

сколь мог осилить,
и взял слепящий

стяг светозарный,
поскольку Беовульф

ножом двуострым,
драконоборец,

сразил дозорного,
издревле стерегшего

холм сокровищный,
пламевержителя,

2780

во тьме полыхавшего
дыханием пагубным

над тем курганом. —
чудище сгинуло.

Вышел воин
с кладью бесценной

из подземелья,
страхом терзаемый,

тревогой в сердце:
застать успеет ли

2785

в живых владыку,
правителя ведеров,

без сил лежавшего
вблизи пещеры.

Золотоноша
нашел воителя,

истекшего кровью,

вождя всезнатного,

почти что при смерти;
он долго витязя

2790

кропил водою,
покуда слово

из сердца воина
на волю не вырвалось;

и молвил Беовульф,
скорбный старец,

глядя на золото:
«Владыке Вселенной

хвала! – я вижу
эти сокровища

2795

и славлю Господа,
Небоправителя,

в день мой последний
мне ниспославшего

победу в битве,
а эту добычу —

народу нашему!
В обмен на богатства

жизнь положил я —
теперь державу

2800

сами храните! —
мой срок истекает!

Повелеваю
вам, ратоборцы,

мой прах и пепел
укрыть в кургане,

в холме высоком,
близ моря насыпанном

на Мысе Китовом, [164]
дабы отныне

2805

то место звали
курганом Беовульфа

морескитальцы,
в ладьях плывущие

из дальних пределов

по темным водам».

Обруч ошейный
витого золота

вождь доброчестный
вручил воителю —

2810

кольцом и обручем,
кольчугой и шлемом

он юного мужа
благонапутствовал;

«Ты – единственный
мой наследник

из рода Вагмундингов,
чье семя сгнуло,

Судьбою похищено:
в час предначертанный

2815

ушли знатнейшие —
и я за ними!»

С последним словом
угасло сердце

мудрого старца;
осталось тело,

костра пожива;
душа отправилась

искать награды
среди угодников.

2820

То было горем,
великой скорбью

воина юного:
он видел тело

вождя возлюбленного,
лишенное жизни;

но тут же, рядом,
его убийца

лежал бездыханный,
жизнекрушитель,

2825

погибший в схватке,
змей зломерзкий,

страж, утративший

свои сокровища,

ибо железное
лезвие тяжким

ударом в сердце
вдруг оборвало

дни его жизни,
и грянул оземь

2830

холмохранитель
на склоне кургана:

не властен он больше
летать ночами,

червь огнекрылый,
гад, стерегший

свои богатства.
Дракон был повержен

рукою конунга,
кинжолком владыки,

2835

каких воистину
среди сынов земли

во веки не было,
хоть я и слышал

песнопреданья
о многих сильных

и стойких в битве,
но не посмел бы

из них ни единый
в огне сходиться

2840

с ядоточащим
червечудовищем,

стяжая богатство,
как сделал Беовульф,

смертью купивший
клад несметный,

в битве, где оба
противоборца

расстались с жизнью!
Тогда уж из лесу,

2845

из рощи вышли

клятвопреступники, —

те десять бесславных,
бежавших в страхе,

копья в испуге
поднять не посмевших,

меча в защиту
ратеначальника, —

и вот, покрывшие
щиты позором,

2850

они приблизились
к одру героя,

глядя на Виглафа:
сидел скорбящий

над телом старца,
достойный копейщик

кропил водою
лицо владыки,

но бесполезно —
ничто не смогло бы

2855

дружиноводителя
вернуть к жизни!

Господня воля
в веках непреложна,

Промысел Божий
искони правил

делами смертных, —
и ныне так же!

Суровой речью
их встретил воин,

2860

мужей трусливых,
бежавших от битвы;

на них, бесчестных,
глядя презрительно,

так молвил Виглаф,
сын Веохстана:

«Правдоречивый
сказал бы: воистину

вождь, наделивший
вас, нестоящих,

2865

кольцами золота,
ратными сбруями

(ибо нередко
в застольях бражных

шлемы, кольчуги,
наряды сечи,

в дружинном зале
дарил державный

всем, приходившим
в его пределы), —

2870

зря отличил он
мечами острыми

вас, дрожащих
при виде недруга.

Не мог он похвастаться
вашей помощью

в сражении, конунг,
но, взысканный Богом

Победотворцем,
один сумел он

2875

в неравной схватке
врага пересилить!

Я был невластен
спасти державца,

и убережь его
надежды не было,

но, изловчившись,
помог я родичу:

мечом наудачу
ударил чудовище —

2880

оно ослабло,
и в горле смрадный

огонь пресекался.
Но слишком мало

было соратников
вокруг владыки! —

за то отныне
и вам не будет [165]

даров сокровищных,
нарядов ратных,

2885

ни радостей бражных;
и вы утратите,

землевладельцы,
наделы наследные,

когда услышат
дружиноводители

в краях сопредельных
о том, как в битве

вы обеславились!
Уж лучше воину

2890

уйти из жизни,
чем жить с позором! [166] »

Тогда ко дворцу
он гонца с вестями

послал, в хоромы
над морем, где ждали

с утра старейшины,
сидели ратники,

гадая надвое:
то ли оплакивать

2895

вождя погибшего,
то ли с победой

вернется конунг;
и не солгал им

печальный вестник
с холма приморского,

муж, прибежавший
с мыса курганного,

но правду измолвил,
сказал глашатай:

2900

«Возлег сегодня
на ложе смерти

владыка ведеров,
гаут всевластный,

уснул, убитый
в бою драконом!

А рядом с героем
жизнекрушитель

простерся мертвый,
ножом распоротый

2905

(не меч, но двуострый
нож покончил

с червечудовищем).
Там же Виглаф,

сын Веохстана,
над Беовульфом,

живой дружинник
над павшим державцем,

страж печальный,
сидит, охраняя

2910

и друга и недруга!
Ждут нас войны

и кровомщение, [167]
едва о смерти

правителя нашего
узнают фризы,

франки услышат.
Та распря вспыхнула,

когда на хугов
дружину Хигелак

2915

и флот свой двинул
к пределам фризским,

где войско хетваров
с ним переведалось,

воинство сильное,
многомогучее, —

там был повержен
отважный в битве,

пал в сражении
вождь, не успевши

2920

воздать соратникам
за службу добычей;

возненавидели
нас меровинги. [168]

Не жду я также
добра и мира

от племени шведов:
ведь всем известно,

как в Роще Вороньей [169]
убил Онгентеов

2925

Хадкюна Хредлинга.
Тогда впервые

гауты гордые
войнолюбивых

искали Скильвингов,
и встретил гаутов

родитель Охтхере,
старец державный:

сваливши Хадкюна —
вождя мореходов,

2930

из плена выручив
жену, чьи сокровища

враги похитили,
свою супругу,

ему родившую
Охтхере с Онелой,

он гнал дружинников,
лишившихся конунга,

и, встав на дороге,
рать бегущую

2935

близ Леса Вороньего
настиг – и немногих,

там уцелевших,
усталых и раненых,

обставил воинством;
всю ночь он без устали

грозил злосчастным
страшными казнями:

одних он прикажет
зарезать поутру,

2940

других – повесить
на радость воронам

на древе смерти.
Но на рассвете,

когда уж воины
в спасенье изверились,

вдали запели
рога походные

дружины Хигелака —
явился верный

2945

конунг с отрядом
на помощь родичам.

В битве кровавой
сшиблись рати —

гауты, шведы,
народ с народом,

смешались в сече
необозримой.

Тогда с дружиной
вождь сокрушенный,

2950

старец-воитель
бежал, спасаясь,

спешил укрыться
в стенах Онгентеов:

изведав могущество
и доблесть Хигелака,

дольше не мог он
борьбой испытывать

войско вражье,
и, не надеясь

2955

от морескитальцев
спасти казну свою

и чад с супругой,
он под защиту

высокой насыпи
ушел в ограду;

но следом стяги
дружины Хигелака,

теснящей шведов,
по полю двинулись,

2960

рубилась Хредлинги [170]
на земляных валах,

покуда Онгентеов,
седобородый

народоправитель,
в смертельной схватке

не встретил лезвия
меча, несущего

гнев Эовора.
Сперва на владыку

2965

напал Вульф Вонрединг,
ударил яростный —

и кровь державного
дружиноводителя

седины окрасила, —
но старый Скильвинг,

не устранившийся,
врагу, как должно,

воздал, ответил
ударом тяжелым,

2970

взмахнул над недругом
клинком разящим

воитель-старец —
и не поспел герой,

потомок Вонреда,
щитом прикрыться,

как шлем крепчайший
располовинился,

и он, окровавленный,
пал на землю

2975

(еще он не был
смертью отмечен,

но сильно раненный
боец был в ярости).

Тогда воитель
из рати Хигелака,

брата увидев,
к земле склонившегося,

мечом размахнулся
и кровлю шлема,

2980

щита ограду
рассек – тут конунг,

владычный старец,
дух испустил,

и осталось за ведерами,
судьбой хранимыми,

поле брани;
и подняли Вульфа

и раны родича
уврачевали.

2985

Победный Эвор
с Онгентеова,

с вождя дружинник,
сорвал кольчугу,

убор властелина,
и шлем, и лезвие

меча с рукоятью
сложил пред конунгом,

за что герою
награду Хигелак

2990

сулил великую —
и выполнил слово:

за труд кровавый
правитель гаутов,

наследник Хределя,
домой возвратившись,

взыскал и Вульфа,
и Эовора

казною богатой —
было каждому

2995

дано сто тысяч
землей и кольцами [171]

(дары щедрейшие
за ратную службу!),

и дочь родную,
дома отраду,

в залог благосклонности
он отдал Эовору.

Вот корни распри
и ярости недругов

3000

и кровомщения!
Я знаю, скоро

нагрянут шведы
к нашим жилищам,

едва проведуют
о том, что не стало

ратначальника,
ревнителя наших

земель и золота,
вождя, охранявшего

3005

и наше племя
и славных Скильдингов, —

кольцедробитель,
герой владычный

путь свой окончил.
Идите же к конунгу,

проститесь, дружинники,
с владыкой гаутов

и возложите
златодарителя

3010

на ложе пламени,
а с ним и сокровища —

не частью, но полностью —
в огне да сгинут [172]

каменья и золото,
добыча, взятая

в последнем сражении
ценою жизни, —

так пусть же истлит
и казну и конунга

3015

костер единый:
не должно героям

носить драгоценности
горестнопамятные,

да не украсит
и шею девичью

кольцо витое,
коль скоро пленная

жена за недругами [173]
пойдет на чужбину, —

3020

в былое канули
с конунгом вместе

пиры и радости;
морозным утром, [174]

в руках сжимая
копейные древки,

повстанут ратники,
но их разбудит

не арфа в чертоге,
а черный ворон,

3025

орлу выхваляющийся
обильной трапезой,

ему уготованной,
и как он храбро

на пару с волком
трупы терзает! [175] »

Так поведал
гонец доброчестный

скорбные вести,

и не солгал он

3030

ни в слове, ни в деле.
Встала дружина;

пошли воители,
слезами облившись,

к Орлиным Скалам
взглянуть на чудо:

там, на песке,
под закатным небом

владыка лежал
бездыханный, воин,

3035

правивший ратью
долго и праведно,

щедрый на кольца,
а ныне похищенный

смертью в сражении,
державный ведер;

там же виднелось,
вблизи героя,

тело драконье,
плоть распростертая

3040

мертвого змея,
червя зломерзкого

труп, опаленный
пламедыханием

(туша твари
ступней в пятьдесят

была длиною);
в небо взвиваясь,

в ночи бесчинствовал
дракон, а утром

3045

скрывался в пещере —
смерть разлучила

кладохранителя
с его владением:

кубки, чаши,
блюда лежали

рядом со стражем,

ржавые лезвия,

кольчуги истлевшие
(долго покоился

3050

клад, наследие
древнего племени,

в том подземелье,
тысячезимнее

златосокровище,
крепко зачатое,

дабы не смел
ни единый смертный

его коснуться, —
лишь Вождь Небесный,

3055

Создатель, властен
открыть богатства

тому, кто взыскан
его благосклонностью,

милостью Божьей,
мужу достойному!)

Но стало ясно,
что не было счастья

владельцу богатства,
казны курганной,

3060

ибо и воин
погиб в сражении,

и страж сокровищ
не смог избежать

возмездия в битве.
Не знает смертный

урочного часа
своей кончины,

и все же уходит
он, обреченный,

3065

из зала для пиршеств,
друзей покинув.

Так сделал Беовульф,
когда решился

на бой с драконом,

а сам и не ведал,

за что он в битве
заплатит жизнью:

тот клад до скончания
веков залятьем

3070 [176]

таким заречен был,
что станет смертный,

в грехах погрязнув,
молиться идолам

и, в цепи ада
попав, запягнует

себя пороками
еще допрежде,

чем ступит на это
место проклятое,

3075

раньше, чем взглянет
на это золото!

Молвил Виглаф,
сын Веохстана:

«Порой погибает
один, но многих

та смерть печалит —
так и случилось!

Наших советов
не принял пастырь, [177]

3080

мольбы не услышал
любимый конунг,

а мы ведь просили
не биться с огненным

холмохранителем —
пускай до века

змей дожидался бы
в своем подземелье

мирокрушения.
Но был вождь верен

3085

высокому долгу —
стяжал сокровища,

и страшную цену

Судьба взыскала!

Я был в пещере,
мне посчастливилось

в тайник проникнуть
(трудна дорога,

тропа подземельная),
и я, увидев

3090

клад сокровенный,
нимало не медля,

выбрал из груды
бесценной утвари,

сколь мог осилить,
и возвратился

с тяжелой ношей
к правителю нашему.

Еще дышал он,
и в полной памяти,

3095

вас перед смертью
благословляя,

он повелел вам
курган насыпать

над пеплом, воздвигнуть
холм во славу

его свершений!
Он был из смертных

всеземнознатных
вождем достойнейшим,

3100

покуда властвовал
казной и домом!

Теперь нам должно
вновь потревожить

тайник подземный,
в курган проникнув,

взглянуть на золото
(стезя мне знакома),

насытить зрение
сиянием клада,

3105

игрой камней.

И пусть ко времени,

когда возвратимся мы,
тут будет ложе

готово для конунга,
одр погребальный,

дабы снесли мы
вождя могучего

туда, где пребудет он,
хранимый Богом».

3110

И повелел им
сын Веохстана,

гордый воитель
героям многим,

готовить для проводов
землевладыки

сруб костровый,
дрова и место

для погребения:
«Испепелится,

3115

в огне исчезнет
муж храброчестный,

не раз выдавший
дожди железные,

где стрелы, тучами
с тетив слетая,

в щиты вонзались,
где дрот остреный,

копье бодало
доспехи в битве!»

3120

Тут юный, но мудрый
сын Веохстана

верных из воинства
вызвал витязей

(семеро было
смелых ратников,

сам же – восьмой)
и повел их под своды

вражьего логова
(смолистый пламенник,

3125

факел, высвечивал
тропу в потемках),

и там не делили
они добычу,

ибо знали,
кому достанется

все это золото,
клад бездзорный,

на разорение обреченный;
и, не печалась

3130

о тех богатствах,
сокровища вынесли

прочь из пещеры.
Тогда же змея,

червечудовище,
с утеса кинули

в море – канул
дракон в пучине.

Кладь золотую,
витые кольца,

3135

и старца-конунга
свезли на подводе

к месту сожжения
на Мысе Китовом.

Костер погребальный
воздвигли ведеры,

мужи дружинные,
украсив ложе

щитами, кольчугами,
как завещал им

3140

дружиноводитель
еще при жизни, —

там возложили
на одр возвышенный

скорбные слуги
старца-конунга;

и скоро на скалах
вскипело пламя,

ратью раздутое;
черный взметнулся

3145

дым под небо;
стонам пожара

вторили плачи
(ветра не было);

кости распались,
истлились мышцы,

сгорело сердце.
Герои-сородичи

горе оплакивали,
гибель конунга,

3150

и некая старица
там причитала,

простоволосая
выла над Беовульфом, [178]

плакала старая
и погребальную

песню пела
о том, что страшное

время близится —
смерть, грабежи

3155

и битвы бесславные.
Дым от кострища

растаял в небе;
десять дней

насыпали гауты
курган высокий

над прахом владыки,
бугор могильный,

заметный издали,
морескитальцам

3160

знак путеводный.
Ограду крепкую

вокруг могильника
они воздвигли,

из камня стены,
мужи искусные.

Захоронили
в холме сокровища,

добычу битвы,
витые кольца,

3165

и все, что было
в пещере драконьей, —

вернулось в землю
наследие древних,

и будет золото
лежать под спудом

вовек, как и прежде,
от смертных скрытое.

Вождю воздали
последнюю почесть

3170

двенадцать всадников
высокородных, —

объехав стены
с обрядным пением,

они простились
с умершим конунгом,

вославив подвиги
и мощь державца

и мудромыслие, —
так подобает

3175

людям, любившим
вождя при жизни,

хвалить, как прежде,
и чтить правителя,

когда он покинул
юдоль земную!

Так поминали
гауты мертвого,

навек ушедшего
ратеначальника,

3180

провозглашая:
среди владык земных

он был щедрейший,
любил народ свой

и жаждал славы
всевековечной! [179]

Примечания

Единственная дошедшая до наших дней рукопись «Беовульфа», датируемая концом X в., входит в так называемое Коттонское собрание и хранится сейчас в Британском музее. Текст был записан благодаря счастливому стечению обстоятельств. Англию христианизовали с двух сторон: с севера (ирландцы) и с юга (миссия папы Григория). Южная миссия шла от католиков и не потерпела бы траты пергамента на языческие стихи даже в христианской справе. Но ирландское христианство само представляло собой смесь новой веры с язычеством, и германские обычаи были близки ему. Не удивительно, что чуть ли не вся поэзия создавалась на севере и только переписывалась у саксов. Папская миссия потерпела неудачу, и в Англии не было такого уничтожения старых текстов, как в ряде других стран. В более поздние века поэму спас сказочный сюжет: она уцелела среди прочих текстов о «деяниях чудовищ». В 1731 г. рукопись пострадала от пожара, а главное – от его последствий: из-за того что вовремя не были приняты меры по спасению пергамента, обуглившиеся края листов продолжали осыпаться. Текст поэмы разделен на 44 главы. Иногда новая глава начинается внутри сложного предложения (эта особенность подлинника обычно не сохраняется в переводах). Сам заголовок поэмы добавлен современными издателями.

В 1786—1787 гг. исландец Торкелин (Grimur Jonsson Thorkelin) был в Англии и сделал два списка с поэмы (один сам, а другой заказал неизвестному копиисту). В то время на краях можно было прочесть гораздо больше, чем сейчас. Он же был первым издателем текста (1815 г.). С тех пор «Беовульф» издвался около двадцати раз целиком (не считая переизданий) и примерно столько же раз переводился на английский. Поэма переводилась также на немецкий (десять раз), датский, французский, итальянский (трижды), шведский, норвежский (лансмол) и голландский (по одному разу). Кроме того, Торкелин перевел весь текст на латынь. Поэму переводили дословно и с попыткой воспроизвести атмосферу подлинника, ритмом оригинала, пятистопным ямбом, размером баллад, нибелунговой строфой и свободным стихом, с аллитерацией и без нее, с огромным количеством архаизмов и простым языком. Даже прозаические переводы очень заметно отличаются друг от друга по манере изложения и характеру стилизации.

Публикуемый ниже текст – первый перевод «Беовульфа» на русский язык. Как уже частично говорилось во вступительной статье, точное воспроизведение поэтических особенностей «Беовульфа» и «Эдды» противоречило бы нормам современной поэтики. Главная из этих особенностей – аллитерация. В каждом полустихе было не меньше одного слова, начинавшегося на тот же согласный, что и в соседнем. Кроме того, все гласные аллитерировали между собой. Ударение в древнеанглийском и древнеисландском чаще всего падало на первый слог корня, и на полустихе приходилось по два слога с акцентом. Они отбивали такт, как метроном, а неударные слоги (сколько бы их ни было) проговаривались за примерно одинаковые интервалы времени: быстро, если их было много, и медленно, если их было мало. В таких условиях начало ударного слога было самым важным участком слова, и аллитерация подчеркивала именно эти функционально значимые точки стиха. Легко видеть, что аллитерационный стих был хорошо приспособлен для фонетических особенностей этих языков. Ритм «Беовульфа» основывается на чередовании долгих и кратких слогов, но зависит и от количества слогов в полустихе, хотя регулярный дольник отсутствует. Существовал ряд метрических типов, которыми автор «Беовульфа» пользуется с большим искусством. Но русскому (так же как

и современному английскому и немецкому) читателю древнеанглийские стихи кажутся прозой. Аллитерация для него не более чем второстепенное украшение текста, подобно тому как для древнеанглийского поэта была рифма. Рифма внутри строки в сочетаниях типа «гол как сокол» встречалась не так уж редко, но была дополнительной, несущественной частью стиха. С другой стороны, поэты той поры почти никогда не рассматривали аллитерацию как стилистическое средство. Лишь в нескольких случаях две длинные строки подряд имели одинаковую (сквозную) аллитерацию, и можно предположить, что это не небрежность, а особый прием. В «Беовульфе» есть и другие приемы подобного рода: ассонансы, игра слов. Так, мрачный каламбур проходит через все описание Гренделя: по-древнеанглийски «гость» и «дух» звучали очень похоже, а Грендель часто называется злым и проклятым духом, но он же и незванный гость. Однако главное в звуковой ткани «Беовульфа» – это смена метрических типов и неумолкающая аллитерация. Переводчик «Беовульфа» сохранил аллитерацию (хотя не всегда на первом слоге), но он не мог сохранить ее древней функции, поэтому читатель в большинстве случаев даже не услышит созвучий типа «призВАл Державный Делить с Дружиной удары сражений», «сЛуЖили им ЛоЖами»... и пр. Кроме того, в переводе аллитерируют не только первые согласные и не только начала ударных слогов. Строки в «Беовульфе» очень длинные и конец строки часто не совпадает с концом предложения; полустих же краток и динамичен. Исландцы, которые понимают свои древние памятники без перевода и, следовательно, из всех германских народов слышат их лучше, чем кто бы то ни было, печатают «Старшую Эдду» только полустроками. Так же поступил в свое время с «Беовульфом» один из первых его издателей Торп (В. Thorpe). Изданный полустихами, русский перевод позволяет воспринять текст «Беовульфа» как поэтический.

Современный читатель напрасно стал бы искать в «Беовульфе» привычные ему приемы: в поэме мало сравнений, эпитеты довольно условны, а метафор нет вовсе. У англосаксонского поэта были совсем иные средства воздействия на слушателей. О некоторых из них будет сказано в примечаниях к отдельным строчкам. Но с самого начала следует обратить внимание на то, что в «Беовульфе» масса необходимых поэтических слов и поражающее обилие синонимов, особенно для понятий, связанных с княжеской властью, мореходством и войной. В русском тексте эта черта древнеанглийского поэтического стиля частично сохранена.

В англосаксонской поэме X века очень многое непривычно для нас. Отсутствуют знакомые приемы обозначения одновременности событий (см, примечание к ст. 917); основной сюжет все время прерывается отступлениями, и эти отступления сами составляют свой собственный сюжет, в котором есть и план и система, хотя ни то ни другое не видно при первом чтении; оба сюжета взаимодействуют по своим, не всегда очевидным для нас правилам; многие события рассказаны не подряд; все время встречаются намеки на людей и сраженья, о которых уже по крайней мере, тысячу лет никто ничего не помнит, а персонажи поэмы зашифрованы малопонятными нам кеннингами (Хигелак – наследник Свертинга, а королева Хюгд – дочь Хереда, но о Свертинге и Хереде мы только и узнаем из этих кеннингов). Тролли и драконы для нас – существа из мифов, а для людей того времени они были совершенно реальны. Исследователи «Беовульфа», т. е. многие поколения лингвистов, литературоведов, историков, археологов, толковали сложные места в поэме, описывали ее ритм, выясняли истоки древнеанглийского эпоса, его связи с мифом, легендой и историей, разыскивали параллели с Библией, со скандинавской и ирландской традицией, обнаруживали влияние Гомера, латинских авторов и отцов церкви, устанавливали точный возраст поэмы и ее отношение к другим памятникам древнеанглийской литературы. Из «Беовульфа» узнавали об этике и этикете германцев, об их религии, времяпрепровождении и быте. Текст «Беовульфа» служил неисчерпаемым источником самых разнообразных сведений. И лишь сравнительно недавно к специалистам пришло откровенье, что перед ними не литературное ископаемое, а прекрасные стихи. Тогда и появились обстоятельные работы

о стиле поэмы и о секрете ее художественного воздействия. Последние пятнадцать лет явились свидетелями нового расцвета беовульфоведения. После того как была обнародована теория двух американских фольклористов Пэрри и Лорда (М. Паргу, А. В. Lord), многие исследователи стали искать формульную основу и тематический каркас поэмы, т. е. те готовые части, которые всегда использует сказитель эпоса. М. Пэрри, специалист по древнегреческому эпосу, изучал творчество сказителей на Балканах и пришел к выводу, что текст героических поэм не выучивается певцом наизусть, а импровизируется, но импровизируется по определенным правилам: певец без перерыва комбинирует словесные формулы и все время использует традиционные темы, т. е. привычные для этого жанра группы идей (приезд героя, отъезд героя, прибытие посла и т. п.). Пэрри погиб молодым от несчастного случая, и его теория приобрела особенно широкую известность после выхода книги А. -Б. Лорда «Певец-сказитель» (А. В. Lord «Singer of Tales»). Эта теория применялась и к изучению «Беовульфа». Цель исследований состояла в том, чтобы установить, был ли «Беовульф» продуктом импровизации или произведением, сочиненным так, как сочиняются поэмы и романы в наши дни. Формульно-тематическая основа «Беовульфа» (угадывавшаяся многими и раньше) была очень убедительно вскрыта в работах фольклористов и не вызывает сейчас никаких сомнений, но отсюда ничего не следует относительно истории возникновения англосаксонского эпоса, поскольку в ту эпоху и сказители, и профессиональные поэты, т. е. люди, вполне осознававшие себя авторами своих стихов, пользовались одной и той же манерой повествования. Школе Пэрри-Лорда противостоит в английской филологии другая, утверждающая, что «Беовульф» имел определенного автора, знавшего и языческие сказания, и латинские стихи, и отцов церкви. Интерес сосредоточился теперь на личности поэта: был ли он неграмотным певцом или образованным человеком (монахом?), начитанным в церковной и светской литературе, и правомерна ли такая постановка вопроса в эпоху, когда от устного творчества переходят к письменной литературе; совместимы ли импровизация и высокое художественное мастерство; импровизировал ли он свои стихи или записал готовый текст. Во многом по-новому стали изучать аудиторию поэта. Англосаксы VII—VIII вв. образовывали военно-аристократическое общество, сочетавшее варварство с глубоким интересом к литературе, а Нортумбрия (королевство на севере Англии) была главным центром европейской культуры того времени. Но важно было сузить понятие «аудитория», чтобы лучше понять замысел поэта.

О «Беовульфе» написано так необозримо много, что каждая строчка в нем может стать поводом для разностороннего обсуждения. В несравненном по глубине анализа издании Клэбера («Beowulf and The Fight at Finnsburg». Edited, with introduction, bibliography, notes, glossary and appendices by Fr. Klaeber. Third edition with first and second supplements. D. C. Heath and Company. Lexington, Massachusetts, 1950) текст «Беовульфа» занимает неполных 120 страниц, а предисловие и комментарии (не считая словаря и цитат из разных источников) – почти 300 страниц петитом, при том что большинство сведений в них все же дано намеком (ссылкой на библиографию). В издании Добби («Beowulf and Judith». Edited by E. van K. Dobbie. New York, Columbia University Press, 1953; «The Anglo-Saxon Poetic Records», IV), где рассматриваются только лингвистические вопросы, на 98 страниц текста 170 страниц комментариев (петитом), а в библиографии 600 названий. Комментарий, помещенный ниже, несравненно более скромный и преследует только две цели: разъяснить исторические намеки и кеннинги и обратить внимание читателя на систему художественных средств поэмы. Хотя исторические выкладки помогают разобраться в хитросплетении войн и династических конфликтов, к ним надо относиться с большой осторожностью: во-первых, в науке нет общепринятого мнения по рассматриваемым вопросам, во-вторых, мы не знаем, было ли у древнего поэта ясное представление о тех событиях, последовательность и взаимозависимость которых с таким трудом восстанавливают современные ученые.